This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

LB
1051
N5Y9

UC-NRLF

$B 71 504

YC 63468

Digitized by Google

LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY OF CALIFORNIA.
RECEIVED BY EXCHANGE
Class

Digitized by Google

Александръ Введенскій.
Профессоръ С.-Петербургскаго Университета.

ОБЪ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ДИДАКТИКѢ.

А. П. Нечаева.

UNIV

305
V 9

Цѣна 15 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія „В. С. Балашевъ и К°“, Фонтанка, 95.
1902

Digitized by Google

Digitized by Google

Alexandr Vvedenskii

Александръ Введенскій.
Профессоръ С.-Петербургскаго Университета.

ОБЪ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ДИДАКТИКѢ.

А. П. Нечаева.

Цѣна 15 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія „В. С. Балашевъ и К°“, Фонтанка, 95
1902

Digitized by Google

LB1051
N5V9

Извлечено изъ журнала „Министерства Народн. Просв." за декабрь 1901 г.

UNIV. OF
CALIFORNIA

Digitized by Google

UNIV. OF CALIFORNIA

Хотя эта брошюра составляетъ не что иное, какъ разборъ книги г. Нечаева, уже напечатанный въ Журналѣ Министерства Народн. Просвѣщ. (декабрь 1901 г.), тѣмъ не менѣе я счелъ не лишнимъ выпустить его въ видѣ отдѣльныхъ оттисковъ, потому что онъ имѣетъ и общее значеніе. Разбирая книгу г. Нечаева, мнѣ пришлось охарактеризовать и вообще отношенія современной экспериментальной психологіи къ дидактикѣ. Болѣе того, весь мой разборъ составленъ съ намѣреніемъ противодѣйствовать ошибочному мнѣнію о примѣнимости экспериментальной психологіи, взятой въ ея современномъ видѣ, къ развитію дидактики. Многіе думаютъ, будто бы сразу исчезаютъ всѣ затрудненія, коль скоро мы принялись экспериментировать по поводу интересующихъ насъ задачъ. Въ дѣйствительности же, экспериментированіе само по себѣ еще ничего не даетъ. Оно должно быть искусствомъ такъ вопрошать природу, чтобы чрезъ посредство производимыхъ нами экспериментовъ она давала намъ ясные и рѣшительные отвѣты на наши вопросы. Но постановка вопросовъ, принуждающихъ отвѣчать на нихъ не иначе какъ яснымъ и рѣшительнымъ образомъ, требуетъ значительной предварительной работы надъ ними, работы, которая въ психологіи подвинулась еще слишкомъ мало. Поэтому всѣ психологическіе эксперименты до сихъ поръ или не даютъ ничего новаго за предѣлами области, пограничной между психологіей и физіологіей (ощущенія, внѣшнія воспріятія и т. п.), или же даютъ выводы, неимѣющіе ровно никакого педагогическаго значенія. Если же имъ иногда приписываютъ подобное значеніе, то только оттого, что изъ эксперимента дѣлаютъ выводы, для которыхъ онъ еще не даетъ никакихъ основаній. Другими словами, при этомъ неправильно анализируютъ и истолковываютъ показанія опытовъ.

226044

Digitized by Google

UNIV. OF CALIFORNIA

II

Вотъ эта то полнѣйшая непригодность современныхъ психологическихъ экспериментовъ для разработки дидактики иллюстрируется мной посредствомъ разбора книги г. Нечаева. Словомъ, въ этой брошюрѣ рѣчь идетъ не только объ экспериментальной дидактикѣ г. Нечаева, но и вообще о современномъ отношеніи между дидактикой и экспериментальной психологіей.—Въ заключеніе замѣчу, что въ январскомъ № того же журнала г. Нечаевъ отвѣчалъ на мой разборъ; но я остаюсь при прежнемъ мнѣніи.

С.-Петербургъ,
январь 1902.

А. Введенскій.

Digitized by Google

UNIV. OF CALIFORNIA

ОБЪ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ДИДАКТИКѢ А. П. НЕЧАЕВА.

А. П. Нечаевъ. Приватъ-доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета. Современная экспериментальная психологія въ ея отношеніяхъ къ вопросамъ школьнаго обученія. Съ 79 таблицами въ текстѣ. С.-Пб. 1901 г.

I.

Основная мысль разбора.

Эта книга вызвала самую насмѣшливую рецензію г. Айхенвальда въ № 59 „Вопросовъ Философіи и Психологіи"; а отрывокъ книги, помѣщенный авторомъ въ Zeitschrift für Psychologie und Physiol. der Sinnesorgane, Band 24, вызвалъ въ томъ же самомъ журналѣ (въ Band 27 Heft 1 и 2) сдержанно насмѣшливый отвѣтъ Маркса Лобзина (Marx Lobsien) *). Книга г. Нечаева безспорно смѣшная, а съ точки зрѣнія

*) Рецензія Айхенвальда почти вся пересыпана остроумными ироническими замѣчаніями. Что же касается Лобзина, то у него въ самомъ началѣ статьи звучитъ несомнѣнная насмѣшка, хотя и самая сдержанная, именно въ такихъ словахъ, сказанныхъ, когда онъ критикуетъ постановку опытовъ г. Нечаева надъ памятью: „Den Löwenantheil beanspruch eine Realschule mit 335 Schülern. Ich bitte die Tabelle I sorglich zu vergleichen! Zunächst! die Versuche in Mädchenclassen sind so sehr in der Minderzahl gehalten, dass ich lebhaft Bedenken trage, zumal wo sie zum Vergleich mit solchen an den Knabenclassen herangezogen werden, sie in allen Theilen zu unterschreiben" (l. c. стр. 34—35). Дальше Лобзинъ говоритъ вездѣ въ вполнѣ серьезномъ тонѣ. Но нужно представить себѣ, съ какимъ выраженіемъ лица серьезнѣйшій нѣмецъ произноситъ только что выписанныя слова, особенно словечко „Zunächst"! Очевидно, ему очень хотѣлось бы посмѣяться надъ г. Нечаевымъ, но онъ сдерживаетъ себя.

Digitized by Google

UNIV. OF CALIFORNIA

судьбы экспериментальной психологіи въ Россіи даже вредная; ибо вопреки намѣреніямъ автора эта часть психологіи выставляется въ удивительно непригляднoмъ видѣ, чуть не явной нелѣпостью. Достаточно, напримѣръ, сказать, что если вѣрить всему написанному въ книгѣ, то надо по приговору психологическихъ экспериментовъ изгнать наглядное обученіе, и даже употребленіе географическихъ картъ, въ народныхъ школахъ, какъ мужскихъ такъ и женскихъ, а также и для всѣхъ дѣвочекъ до $11^1/_2$ лѣтъ включительно. Сверхъ того, надо будетъ думать, будто бы экспериментально доказано, что дѣти, поступающія въ Александровскій лицей, отличаются такимъ слабоуміемъ, даже при сравненіи съ учениками народныхъ школъ, котораго не въ силахъ искоренить получаемое ими въ лицеѣ воспитаніе. Не то, чтобы авторъ самъ высказывалъ эти выводы; но они съ логической необходимостью и *самымъ очевиднымъ* образомъ вытекаютъ изъ всѣхъ собранныхъ его опытами надъ памятью цифръ, *если* комментировать ихъ такъ, какъ ихъ комментируетъ самъ авторъ, такъ что внимательный читатель, привыкшій размышлять надъ прочитаннымъ и провѣрять автора его же собственными словами и пріемами, не можетъ не замѣтить этихъ выводовъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, разумѣется, не можетъ и согласиться съ ними; а такъ какъ авторъ все время говоритъ какъ бы отъ лица экспериментальной психологіи, то читатель неспеціалистъ невольно придетъ къ убѣжденію, что сама-то она составляетъ какую-то явно смѣшную нелѣпость.

И вообще вышучивать книгу г. Нечаева не трудно: чрезвычайно удобный матеріалъ для этого найдется въ ней чуть не на каждой страницѣ. Но научный рецензентъ иногда не въ правѣ ограничиваться однимъ этимъ: иногда онъ долженъ имѣть въ виду не только своихъ читателей, но и автора рецензируемаго сочиненія. Иногда бываетъ необходимо не только показать своимъ читателямъ, чего стоитъ книга, но и объяснить самому автору, почему онъ попалъ въ смѣшное положеніе и написалъ безполезную книгу, дабы онъ научился, какъ избѣгать въ будущемъ того и другого. А даже изъ одной лишь разсматриваемой книги г. Нечаева видно, что молодой, только что начинающій, авторъ—талантливый человѣкъ: въ ней есть интересныя страницы съ мѣткими замѣчаніями и соображеніями, что призналъ даже и г. Айхенвальдъ, несмотря на все его принципіальное и вполнѣ основательное разногласіе съ авторомъ. Мнѣ же, какъ прежнему университетскому учителю г. Нечаева, извѣстно еще больше: это человѣкъ не только съ способностями, но и съ хорошими зна-

Digitized by Google

UNIV. OF CALIFORNIA

ніями, который могъ бы написать полезную книгу, даже на ту же самую тему, поставившую его, по справедливому замѣчанію г. Айхенвальда, въ трагикомическое положеніе, принуждающее доказывать то, чего нѣтъ и что еще не скоро будетъ. Стоило бы только г. Нечаеву, вмѣсто *преждевременныхъ* попытокъ *примѣнять* экспериментальную психологію къ разработкѣ дидактики, написать книгу въ родѣ книжки В. Анри („Современное состояніе экспериментальной педагогики"), т.-е. книгу, дающую простой систематическій обзоръ всего сдѣланнаго экспериментальной психологіей для изученія тѣхъ областей, которыя интересны съ точки зрѣнія дидактики.

Нужды нѣтъ, что всѣми, кто слѣдилъ за его прежней научной дѣятельностью, г. Нечаевъ долженъ быть признанъ самоучкой въ психологическомъ экспериментированіи. Это только люди, совсѣмъ незнакомые съ дѣломъ, воображаютъ, будто бы *всѣ* психологическіе эксперименты могутъ быть удачно производимы лишь послѣ продолжительнаго изученія искусства экспериментированія. Дѣло вотъ въ чемъ: если кто хочетъ усвоить *всю* технику психологическаго экспериментированія, такъ чтобы и пріобрѣсть *всѣ* навыки въ обращеніи съ инструментами, и умѣть аранжировать новые опыты при помощи инструментовъ, построенныхъ для другихъ цѣлей, и придумывать самому новые приборы и т. п., тотъ, конечно, можетъ достичь своей цѣли не иначе, какъ произведя подъ непосредственнымъ руководствомъ искуснаго изслѣдователя довольно большую и сложную или нѣсколько маленькихъ работъ, такъ подобранныхъ, чтобы при ихъ помощи была усвоена вся техника экспериментированія. Оттого-то первыя экспериментальныя работы и печатаются обыкновенно съ указаніемъ, кто руководилъ ими, и съ одобренія руководителя: онъ даетъ этимъ автору какъ бы аттестатъ на званіе умѣлаго изслѣдователя. Но опыты самого г. Нечаева не требуютъ никакихъ инструментовъ и такъ просты, что ихъ даже какъ-то странно называть громкимъ именемъ эксперимента. (Въ III, IV и V отдѣлахъ я опишу ихъ сущность). А чтобы научиться правильно производить такіе опыты и чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ научиться правильно понимать и оцѣнивать *всякія* чужія экспериментальныя изслѣдованія, хотя бы они опирались на самые трудные опыты, надо только вдумчиво и критически изучать литературу предмета. По всему этому я и утверждаю, что хотя г. Нечаевъ экспериментаторъ-самоучка, тѣмъ не менѣе онъ могъ бы составить и полезную книгу, если бы только онъ тщательнѣй отнесся къ дѣлу.

Одна изъ цѣлей моей рецензіи объяснить автору, почему онъ на-

Digitized by Google

UNIV. OF CALIFORNIA

писалъ книгу смѣшную и безполезную, когда у него въ рукахъ всѣ данныя написать совсѣмъ другую. Тутъ одна основная причина. Книга г. Нечаева составляетъ книгу *преждевременную* еще и въ другомъ смыслѣ слова: она составляетъ всего лишь отпечатанныя черновыя тетради съ приведенными въ систематическій порядокъ набросками автора по поводу идеи, затрогивающей очень интересный вопросъ и съ большой торопливостью приведенной имъ въ исполненіе. Авторъ, какъ это часто бываетъ съ способными молодыми людьми, еще не успѣлъ убѣдиться на собственномъ опытѣ, что каждая умственная работа требуетъ нѣкотораго времени, чтобы окончательно дозрѣть и явиться въ печати въ оконченномъ видѣ. Ему пришла въ голову соблазнительная идея примѣнить экспериментальную психологію къ разработкѣ дидактики; и ему показалось, что если онъ, въ видахъ ея осуществленія, будетъ наспѣхъ проглатывать экспериментально-психологическія сочиненія, говорящія о фактахъ, *одноименныхъ* (ибо они на дѣлѣ далеко не одинаковы, чего авторъ не замѣтилъ) съ тѣми, о которыхъ приходится говорить въ дидактикѣ, будетъ дѣлать замѣтки изъ прочитанныхъ сочиненій и записывать приходящія ему въ голову соображенія, по поводу прочитаннаго, то послѣ систематическаго распредѣленія всего написаннаго имъ книга будетъ готова. Въ дѣйствительности же будетъ готово только приведеніе черновыхъ тетрадей въ систематическій порядокъ; а настоящая научная работа начнется лишь послѣ этого. Авторъ же, навѣрное, напечаталъ свои черновыя тетради тотчасъ же, какъ только привелъ ихъ въ систему, сообразную съ планомъ его работы. Вотъ это-то я и буду доказывать въ своей рецензіи самыми различными путями.

Одинъ изъ нихъ состоитъ въ томъ, что если судить о знаніяхъ и степени научной подготовки г. Нечаева по его *книгѣ*, то они представятся въ очень неприглядномъ видѣ; между тѣмъ какъ я давно уже знаю, что онъ обладаетъ довольно солидной подготовкой къ научнымъ работамъ. А надѣюсь, что послѣ моего 14-лѣтняго преподаванія въ университетѣ за мной признаютъ же нѣкоторую опытность въ оцѣнкѣ свѣдѣній, имѣющихся по моему предмету у моихъ учениковъ. Замѣчу кстати: г. Нечаевъ долженъ меня извинить, что я въ своемъ разборѣ очень часто ставлю вопросъ о степени его знаній, тонкости психологическаго анализа, умѣнья научно работать и т. п. и, основываясь на его *книгѣ*, постоянно рѣшаю этотъ вопросъ въ неблагопріятномъ для автора смыслѣ: это я дѣлаю съ точки зрѣнія *посторонняго* читателя, который знаетъ его *только* по его книгѣ. Для

Digitized by Google

меня же лично этотъ способъ разсужденія составляетъ всего только одно изъ самыхъ убѣдительныхъ доказательствъ, что въ разсматриваемой книгѣ передъ нами всего лишь черновыя тетради; ибо я увѣренъ, что если бы авторъ довелъ до конца свою работу надъ ними, то его пониманіе предмета, умѣнье разсуждать и доказывать научныя положенія выступили бы совсѣмъ въ другомъ видѣ.

Вмѣстѣ съ указанной цѣлью я преслѣдую еще и другую. Г. Нечаевъ своей книгой нѣсколько скомпрометировалъ свою подготовку къ научнымъ работамъ по психологіи. А это до нѣкоторой степени затрогиваетъ и меня, какъ его прежняго руководителя въ занятіяхъ этимъ предметомъ, о чемъ онъ вдобавокъ упомянулъ въ своемъ предисловіи. И мнѣ, въ видахъ вполнѣ простительнаго самолюбія, хотѣлось бы убѣдить г. Нечаева воспользоваться всѣмъ матеріаломъ, накопившимся у него во время составленія книги, и рецензіями, которыя появились по поводу нея, а равно отрывка изъ нея, напечатаннаго на нѣмецкомъ языкѣ, чтобы переиздать ее въ переработанномъ видѣ. Тогда, я увѣренъ, выйдетъ книга и не смѣшная и не безполезная. Переработка же должна сводиться въ главныхъ чертахъ къ слѣдующему: 1) вмѣсто теперешняго преждевременнаго заглавія („*Современная* экспериментальная психологія въ ея отношеніи къ вопросамъ“ и т. д.), слѣдуетъ надписать такое: „Экспериментальная психологія и ея *возможное будущее* отношеніе къ вопросамъ школьнаго обученія“. 2) Отбросить собственные опыты и систематическія самонаблюденія надъ умственной работоспособностью; ибо эта-то часть сильнѣй всего выставляетъ научную неподготовленность г. Нечаева. 3) Отбросить упреки въ пустословіи по адресу почтенныхъ авторовъ педагогическихъ сочиненій, такъ какъ самого-то г. Нечаева они часто ставятъ въ смѣшное положеніе. 4) Дополнить всѣ удивительные пропуски въ развитіи главной мысли, на которые я указываю во II и III отдѣлѣ разбора.

Чтобы сдѣлать его какъ можно яснѣй и вмѣстѣ съ тѣмъ дать возможность читателямъ ознакомиться лишь съ тѣми его частями, которыя ихъ больше интересуютъ, не читая его въ цѣломъ, я къ общей характеристикѣ книги присоединилъ съ особыми заглавіями подробныя разъясненія и доказательства всѣхъ ея наиважнѣйшихъ пунктовъ. Кто, напримѣръ, хочетъ узнать, къ какимъ ошибочнымъ и даже вреднымъ педагогическимъ слѣдствіямъ приводятъ посылки автора, тотъ можетъ ограничиться, кромѣ общей характеристики, II и IV отдѣлами и т. д.

Digitized by Google

UNIV. OF CALIFORNIA

II.

Общая характеристика книги г. Нечаева.

По собственнымъ словамъ г. Нечаева, главной цѣлью его сочиненія служитъ „выясненіе важности пріемовъ экспериментально-психологическаго изслѣдованія для успѣшнаго развитія дидактики“ (стр. IX). Для достиженія этой цѣли авторъ выясняетъ, съ какими душевными процессами приходится считаться въ учебномъ дѣлѣ, особенно же при объясненіи урока и провѣркѣ знаній ученика, а одновременно съ этимъ старается показать, насколько правильные взгляды на всѣ эти процессы зависятъ отъ экспериментальной психологіи. Словомъ, какъ онъ и самъ выражается въ концѣ книги, онъ „придалъ своему изслѣдованію форму экспериментально-психологической дидактики“ (стр. 220). Конечно, онъ отнюдь не выставляетъ своей книги, какъ окончательнаго рѣшенія всѣхъ вопросовъ дидактики, и поэтому требуетъ, чтобы ее оцѣнивали „*преимущественно* какъ научно-обоснованный *планъ* для новыхъ работъ по данному предмету“ (стр. X). Въ концѣ же книги, вопреки мнѣнію, общепризнанному среди педагоговъ и психологовъ, г. Нечаевъ приходитъ къ заключенію, что на вопросъ: „можетъ ли имѣть *современная* экспериментальная психологія практическое значеніе для дидактики?“ надо отвѣчать утвердительно (см. стр. 230). Въ этомъ заключеніи и суммируется все новое, что содержится въ его отдѣльныхъ выводахъ.

Необычайно новой, впрочемъ, является и вся задача г. Нечаева— установить связь между существенными положеніями современной дидактики съ данными экспериментальной психологіи. „Задача эта, какъ справедливо замѣчаетъ въ своемъ предисловіи самъ г. Нечаевъ, до сихъ поръ ни разу не рѣшалась въ ученой литературѣ“ (стр. IX). А въ другомъ мѣстѣ (стр. 4) онъ настолько же справедливо замѣчаетъ, что „область *экспериментальной* (курсивъ г. Нечаева) психологіи большей частью совершенно оставляется безъ вниманія въ тѣхъ случаяхъ, когда идетъ рѣчь о значеніи психологіи для педагогики“. И, дѣйствительно, всѣ выдающіеся педагоги (Рейнъ, Циллеръ, Шиллеръ, Компейре и т. д.) или совсѣмъ игнорируютъ экспериментальную психологію, или же всего только съ поощреніемъ присматриваются къ ней въ надеждахъ на ея *будущія* услуги педагогикѣ. Что же касается до психологовъ-экспериментаторовъ, то сами они, какъ извѣстно, пока приписываютъ своимъ работамъ всего лишь подготовительное значе-

Digitized by Google

ніе, и это не только для педагогики, а даже для самой психологіи, за предѣлами области, пограничной между нею и физіологіей, т. е. пока цѣнятъ ихъ лишь какъ необходимое дальнѣйшее усовершенствованіе методовъ психологическаго экспериментированія. Такую же точку зрѣнія они проводятъ даже и въ сочиненіяхъ, назначенныхъ для привлеченія вниманія педагоговъ и общества къ ихъ дѣлу, въ родѣ статей В. Анри, помѣщенныхъ всего только за два года до появленія книги г. Нечаева въ Московскомъ *Вѣстникѣ Воспитанія* подъ общимъ заглавіемъ „Современное состояніе экспериментальной педагогики", подъ вліяніемъ которыхъ, вѣроятно, г. Нечаевъ и составилъ свой замыселъ написать экспериментальную дидактику и сталъ употреблять выраженіе „экспериментальная педагогика": раньше, до В. Анри, кажется, его не употребляли. Для характеристики необычайной новизны всего дѣла, предпринятаго г. Нечаевымъ, не мѣшаетъ отмѣтить, что до сихъ поръ еще не появлялось общаго руководства по экспериментальной психологіи, т. е. пока еще нѣтъ книги, въ которой, сжато или подробно, было бы описано все сдѣланное по этой дисциплинѣ, хотя, какъ извѣстно, существуетъ цѣлая масса лицъ, самоотверженно посвящающихъ всѣ свои силы на разработку экспериментальной психологіи. Очевидно, составленіе подобной книги оказывается еще преждевременнымъ [1]).

Изъ всего этого слѣдуетъ, что предпринятое г. Нечаевымъ руководство экспериментальной дидактики составляетъ дѣло, еще болѣе преждевременное и свидѣтельствующее о смутномъ пониманіи авторомъ избраннаго имъ предмета книги, коль скоро онъ рѣшается закон-

---

[1]) Нельзя возражать мнѣ ссылкой на „Физіологическую психологію" Вундта; ибо я говорю о *всей* экспериментальной психологіи. Вундтъ же самъ въ предисловіи къ своему труду ясно высказываетъ, что физіологическая психологія составляетъ лишь часть всей экспериментальной: физіологическая психологія, по его собственнымъ словамъ, изучаетъ область, пограничную между психологіей и физіологіей. Что же касается до книги Sanford'а, озаглавленной A course in experimental psychology, то ея судьба можетъ быть выставлена, какъ наглядное доказательство преждевременности систематическаго свода работъ по экспериментальной психологіи: первая ея часть вышла еще въ 1897 г., предисловіе же къ ней помѣчено еще 1894 годомъ; но вся она, оконченная въ 1900 г., ограничилась только ученіемъ объ ощущеніяхъ и пространственныхъ воспріятіяхъ, ученіемъ, одинаково относящимся и къ психологіи и къ физіологіи. Не знаю, какъ далеко пойдетъ Тиченеръ, недавно выпустившій первую часть своей Experimental Psychology, но пока и его книга ограничивается приблизительно тѣмъ, чѣмъ и у Санфорда.

Digitized by Google

чить книгу такими словами: „я придалъ своему изслѣдованію форму *экспериментально-психологической дидактики.* Мнѣ кажется, что одинъ уже этотъ фактъ—возможность написать въ настоящее время книгу въ подобнаго рода формѣ — самъ по себѣ является *утвердительнымъ отвѣтомъ* на вопросъ: можетъ ли имѣть современная экспериментальная психологія практическое значеніе для дидактики?" (курсивъ г. Нечаева, стр. 220). И эта преждевременность легко объясняется торопливостью, съ какой г. Нечаевъ напечаталъ свои черновыя тетради.

Торопливость это — самое правильное объясненіе всѣхъ недостатковъ книги г. Нечаева: въ ней такъ много промаховъ и явныхъ несообразностей, что если бы зашла рѣчь о степени научной подготовки г. Нечаева, то, пользуясь его книгой, нельзя было бы доказать даже, что ея авторъ въ надлежащей степени вчитался въ литературу педагогическую и экспериментально-психологическую. Конечно, нельзя сомнѣваться, что онъ прочелъ и пересмотрѣлъ много педагогическихъ и экспериментально-психологическихъ сочиненій, хотя, вѣроятно, не всѣ, помѣщенныя въ его огромномъ перечнѣ, приложенномъ къ книгѣ и занимающемъ 8 страницъ петита; ибо онъ и самъ озаглавливаетъ его не какъ перечень своихъ литературныхъ *пособій,* а всего только какъ хронологическій перечень *указанныхъ* въ книгѣ сочиненій [1]). Но, къ сожалѣнію, при помощи книги г. Нечаева нельзя *удостовѣриться,* что онъ относился къ прочитаннымъ имъ сочиненіямъ вдумчиво и критически и что такимъ путемъ извлекъ изъ нихъ умѣнье работать научнымъ образомъ. Я

[1]) Кстати, я совершенно не понимаю, зачѣмъ г. Нечаевъ приводитъ этотъ перечень, коль скоро онъ не составляетъ списка его пособій. Хотѣлъ ли онъ показать хронологическое развитіе экспериментально-психологической литературы? Но тамъ фигурируютъ и учебники для гимназистокъ (Скворцова и др.) и даже программы различныхъ школъ. И этотъ перечень еще не означаетъ рекомендуемыхъ имъ сочиненій; ибо послѣднія авторъ отмѣтилъ звѣздочками. А подобные излишніе для читателя перечни отпугиваютъ отъ работы скромную молодежь, внушая ей неправильную мысль, будто бы для составленія научной работы нужно въ годъ или два прочесть сотни сочиненій. Появленіе этого списка сочиненій въ книгѣ я самъ объясняю слѣдующимъ образомъ: для разныхъ собственныхъ справокъ г. Нечаевъ составлялъ въ хронологическомъ порядкѣ списокъ всѣхъ сочиненій, о которыхъ ему пришлось *упоминать* (можетъ быть, напримѣръ, при помощи этого хронологическаго списка онъ разсчитывалъ легче разъискивать упоминаемыя сочиненія и провѣрять свои сдѣланные наспѣхъ или на память отзывы о нихъ); а когда онъ сдалъ въ типографію свои черновыя тетради, то туда же попалъ и списокъ, составленный имъ всего только для *собственнаго* употребленія.

Digitized by Google

сперва охарактеризую въ самыхъ общихъ чертахъ главнѣйшіе промахи г. Нечаева, а потомъ представлю подробныя разъясненія и доказательства каждаго изъ нихъ.

1) Доказывая важность экспериментальной психологіи для дидактики, г. Нечаевъ *молча*, безъ всякихъ доказательствъ, исходитъ изъ произвольнаго и при томъ *ошибочнаго* предположенія, будто бы явленія, изучаемыя въ современной экспериментальной психологіи, тѣ же самыя, какія интересуютъ и педагога. А указанія на произвольность и ошибочность этого предположенія уже сдѣланы въ научной литературѣ, въ томъ числѣ и въ такихъ сочиненіяхъ, о которыхъ упоминаетъ самъ же г. Нечаевъ, при чемъ въ этихъ сочиненіяхъ приведены даже нѣкоторые *экспериментально добытые* факты, доказывающіе ошибочность этого предположенія. А г. Нечаевъ обо всемъ этомъ молчитъ. Очевидно, это означаетъ одно изъ двухъ: или здѣсь передъ нами величайшая торопливость, или полное непониманіе дѣла. А все сейчасъ сказанное будетъ подробнѣй разъяснено и доказано во III отдѣлѣ разбора.

2) Въ зависимости отъ этого промаха, а отчасти и отъ другого вполнѣ *однороднаго* съ нимъ, находится и то обстоятельство, что составленный авторомъ планъ для новыхъ работъ по данному предмету, *планъ*, сводящійся всего только къ группировкѣ экспериментально-психологическихъ сочиненій по рубрикамъ дидактическихъ вопросовъ, остается совсѣмъ необоснованнымъ. Впрочемъ, надо замѣтить, я не совсѣмъ ясно понимаю, что именно хочетъ сказать г. Нечаевъ, приписывая себѣ въ предисловіи желаніе составить научно-обоснованный *планъ* для новыхъ работъ по предмету его книги. Никакого подобнаго плана, который онъ особо *обсуждалъ бы* въ своей книгѣ, нѣтъ. Остается считать такимъ планомъ только-что упомянутую группировку экспериментально-психологическихъ сочиненій; но она выходитъ и должна выйти у него сама собой оттого, что по мѣрѣ развитія своей основной темы ему неизбѣжно приходится цитировать экспериментально-психологическія сочиненія цѣлыми группами, именно насколько эти сочиненія *покажутся* автору говорящими о тѣхъ же душевныхъ явленіяхъ, о какихъ идетъ рѣчь въ томъ или другомъ дидактическомъ вопросѣ. Но если эта группировка составляетъ совершенно неизбѣжную часть всякой подобной работы, то по какому же праву авторъ, считая эту группировку планомъ новыхъ работъ, настаиваетъ, чтобы *всю* его книгу оцѣнивали *преимущественно*, какъ этотъ планъ, т.-е. какъ неизбѣжное цитированіе

Digitized by Google

экспериментально-психологическихъ сочиненій цѣлыми группами? Однако, будемъ оцѣнивать книгу, между прочимъ, какъ подобный планъ. Тогда, разумѣется, этотъ планъ выйдетъ плохимъ планомъ; ибо онъ основанъ на ошибочной мысли, будто бы въ группируемыхъ сочиненіяхъ говорится о томъ же, о чемъ идетъ рѣчь и въ дидактическихъ вопросахъ. И планъ автора выходитъ тѣмъ хуже, что къ этой ошибкѣ присоединяется еще *другая однородная* съ ней, о которой скажу въ IV отдѣлѣ моего разбора.

3) Самостоятельныя же изслѣдованія автора отличаются еще болѣе крупными промахами. Они состоятъ изъ опытовъ надъ учениками и ученицами и изъ самонаблюденій. Первые страдаютъ явно негодной постановкой и приводятъ, хотя и къ очень важнымъ, съ педагогической точки зрѣнія, но, къ сожалѣнію, явно несообразнымъ результатамъ. Именно: *изъ нихъ ясно вытекаетъ вредъ нагляднаго обученія для всѣхъ дѣвочекъ до 11½ лѣтъ включительно и для мальчиковъ, если только послѣднія учатся въ народной школѣ.* Далѣе, эти опыты, если вѣрить г. Нечаеву, ясно показываютъ, что лицеисты тотчасъ же послѣ ихъ поступленія въ лицей и во все время пребыванія въ немъ оказываются какими-то слабоумными сравнительно съ другими дѣтьми (и мальчиками и дѣвочками) того же возраста. Ихъ слабоуміе доходитъ до того, что общій законъ, открытый опытами г. Нечаева и гласящій, что у мальчиковъ память на реальныя впечатлѣнія сильнѣе, чѣмъ у дѣвочекъ того же возраста, для лицеистовъ оказывается невѣрнымъ: они въ этомъ отношеніи выходятъ, несомнѣнно, слабѣе гимназистокъ. Наконецъ, опыты г. Нечаева описаны въ его книгѣ такъ небрежно, что даже и не будь въ нихъ всѣхъ указанныхъ изъяновъ, все-таки на нихъ нельзя было бы полагаться въ научной работѣ, не повторивъ ихъ въ полномъ видѣ заново, какъ если бы они никогда не были произведены г. Нечаевымъ. Самонаблюденія же его имѣютъ только методологическое значеніе, могутъ служить только образцомъ метода, рекомендуемаго г. Нечаевымъ; но это методъ совершенно произвольный и такой, что возбуждаетъ даже сомнѣнія, ясно ли понимаетъ г. Нечаевъ самъ себя, когда говоритъ объ этомъ методѣ.

Словомъ, самостоятельныя изслѣдованія составляютъ наихудшую часть его книги. При ихъ чтеніи чаще всего приходится растериваться, что такое передъ нами: обидная ли для читателя самоувѣренность, съ какой авторъ думаетъ, что какъ ни веди своей работы, его читателю все годится, или же это полное непониманіе своего дѣла? Все это будетъ доказано въ V, VI и VII отдѣлѣ разбора.

Digitized by Google

Таковы самые крупные промахи. Развѣ ихъ не достаточно, чтобы назвать книгу не только смѣшной, но даже вредной и для педагогики и для экспериментальной психологіи, коль скоро она претендуетъ служить *экспериментальной* дидактикой и снабжена сильнѣйшими упреками по адресу педагогики, основанной на наблюденіяхъ, упреками, дѣлаемыми ей авторомъ за пустословіе, и коль скоро авторъ рекомендуетъ *замѣнить* ее экспериментальной педагогикой, построенной по созданному имъ *плану* экспериментальной дидактики? Вотъ что онъ говоритъ на стр. 6-й про экспериментальную психологію: „строя всѣ свои положенія на *строго опредѣленныхъ фактахъ* (курсивъ г. Нечаева), она можетъ служить прекрасной школой для критическаго отношенія къ современной педагогической литературѣ (такъ часто страдающей пустословіемъ) и прочнымъ фундаментомъ для новой, фактически обоснованной педагогики". А въ концѣ книги г. Нечаевъ рекомендуетъ, въ видѣ средствъ для подготовки будущихъ педагоговъ, изученіе работъ по экспериментальной психологіи и участіе въ производствѣ психологическихъ экспериментовъ, но и въ томъ и въ другомъ случаѣ—по опредѣленному плану (стр. 223 и 224). „Примѣръ одного изъ возможныхъ плановъ подобнаго рода, говоритъ г. Нечаевъ, я пытался представить *въ настоящей книгѣ*" (курсивъ мой) (стр. 223). Точнѣе слѣдовало бы выразиться ему: „въ видѣ настоящей книги"; ибо кромѣ нея самой въ ней нѣтъ другого подобнаго плана. А что если найдутся среди педагоговъ люди, которые отнесутся къ г. Нечаеву, какъ приватъ-доценту университета, съ полнымъ довѣріемъ и начнутъ строить дидактику на данныхъ экспериментальной психологіи, не дожидаясь, когда послѣдняя примется изучать тѣ самыя явленія, съ какими приходится имѣть дѣло педагогу, а не только одноименныя съ ними? А надо не забывать, какое впечатлѣніе титулъ г. Нечаева, сполна указанный на его книгѣ, долженъ производить на скромныхъ учителей и учительницъ множества школъ, хотя бы народныхъ.

Прежде чѣмъ доказывать и подробнѣй разъяснять отмѣченные сейчасъ самые крупные недостатки книги г. Нечаева, я сперва укажу, что въ ней есть еще другіе, довольно важные; но въ виду только что указанныхъ, я имъ придаю второстепенное значеніе и упомяну о нихъ только здѣсь—въ общей характеристикѣ. Два изъ нихъ сильнѣйшимъ образомъ подрываютъ доказанность его основной мысли, при чемъ одинъ еще обрисовываетъ передъ читателемъ экспериментальную

Digitized by Google

психологію въ довольно смѣшномъ видѣ, какъ бы праздное препровожденіе времени. Третій же свидѣтельствуетъ о несомнѣнной торопливости, съ какой г. Нечаевъ составлялъ свою книгу. Эти недостатки таковы:

а) Доказывая важность экспериментальной психологіи для дидактики, г. Нечаевъ долженъ былъ бы въ числѣ услугъ или открытій экспериментальной психологіи указывать только то, чего нельзя узнать или, по крайней мѣрѣ, трудно узнать безъ ея помощи. Между тѣмъ г. Нечаевъ сплошь да рядомъ ея важность доказываетъ такими доводами: „экспериментальныя изслѣдованія показали, что, направляя вниманіе на одно раздраженіе, мы этимъ самымъ отвлекаемъ его отъ другого“ (стр. 109), или: „на основаніи ряда экспериментальныхъ изслѣдованій было показано, что время, протекшее отъ момента заучиванія данныхъ представленій до момента возпроизведенія ихъ, оказываетъ неизбѣжное вліяніе на точность послѣдняго“ (стр. 186). А вотъ и другіе образцы убѣдительности его доказательствъ. Они состоятъ въ *выводахъ*, которые онъ дѣлаетъ на основаніи своей собственной экспериментальной дидактики, въ выводахъ въ родѣ слѣдующихъ: „нельзя надѣяться распредѣлить школьныя занятія такимъ образомъ, чтобы при нихъ вовсе не было умственнаго утомленія. Надо только заботиться о томъ, чтобы это утомленіе не было чрезмѣрнымъ и наступало возможно позже“ (стр. 100). Или: „оцѣнивая количество умственной работы ученика во время урока, необходимо принимать во вниманіе не только учебный предметъ, но и методъ преподаванія“ (ibid.). Что же это за доказательства? Не характеризуютъ ли всѣ они, скорѣй, экспериментальной психологіи, какъ празднаго препровожденія времени, коль скоро она тратитъ его на доказательства самыхъ избитыхъ истинъ? Какъ же объяснить, что г. Нечаевъ рѣшается прибѣгать къ помощи подобныхъ доводовъ и не боится скомпрометировать свое дѣло? Очень просто: онъ и самъ отмѣчаетъ про экспериментальную психологію въ своей книгѣ, что въ ней „иногда блестящимъ образомъ подтверждается то, въ чемъ съ давнихъ поръ согласны были многіе педагоги“ (стр. 221). Но вѣдь онъ неосмотрительно обвинилъ большую часть педагогической литературы въ *пустословіи*. Поэтому и еще подъ вліяніемъ торопливости, съ какой составлена его книга, г. Нечаеву показалось полезнымъ *подтвердить* на всякій случай вышеприведенныя истины экспериментальнымъ путемъ, чтобы и ихъ не сочли за пустословіе. Оттого-то въ концѣ книги онъ находитъ вполнѣ умѣстнымъ сказать про эксперименталь-

Digitized by Google

ную психологію такія слова: „вмѣсто голословныхъ утвержденій и общихъ (не всегда опредѣленныхъ) впечатлѣній, она вноситъ въ дидактику точно описанные факты, научно провѣренныя положенія“ (стр. 221). Въ защиту же серьезнаго характера экспериментальной психологіи противъ нареканій, которыя можетъ вызвать г. Нечаевъ, я напомню, что она находится въ подготовительномъ фазисѣ, по крайней мѣрѣ—въ вопросахъ чисто психологическихъ. А при такихъ условіяхъ, придумавъ новый экспериментъ, не мѣшаетъ иногда отмѣтить, что выводы, къ которымъ онъ приводитъ, ни въ чемъ не противорѣчатъ ни одной изъ извѣстныхъ истинъ. Это нужно не для доказательства дидактической пригодности этихъ общеизвѣстныхъ истинъ, а для оцѣнки вновь придуманнаго пріема экспериментированія.

b) Кто, подобно г. Нечаеву, распространяетъ какую-нибудь мысль, идущую въ разрѣзъ съ общепризнаннымъ взглядомъ, и такимъ путемъ объявляетъ его ошибочнымъ, тотъ долженъ убѣдительнымъ образомъ объяснить, почему же сложился такой ошибочный и, все-таки, общепризнанный взглядъ на дѣло. Иначе мы въ правѣ считать и его истиннымъ; а такъ какъ двѣ истины не могутъ противорѣчить другъ другу, то поддерживаемую авторомъ мысль должны будемъ разсматривать, какъ нуждающуюся въ разныхъ поправкахъ, т.-е., не въ правѣ будемъ вполнѣ довѣряться ей. Какъ же г. Нечаевъ объясняетъ, что вопреки его мнѣнію ни психологи, ни педагоги не думаютъ, будто бы *современная* экспериментальная психологія можетъ имѣть практическое значеніе для дидактики? (стр. 220). Этотъ вопросъ тѣмъ интереснѣе, что на стр. 4 самъ же г. Нечаевъ отмѣчаетъ такой фактъ: „область *экспериментальной* (курсивъ г. Нечаева) психологіи большею частью оставляется безъ вниманія въ тѣхъ случаяхъ, когда идетъ рѣчь о значеніи психологіи для педагогики. Такое пониманіе дѣла очень распространено въ Германіи“. И это—на родинѣ экспериментальной психологіи! Почему же оно даже и тамъ распространено?

Относительно педагоговъ объясненіе г. Нечаева чрезвычайно просто и сводится къ тому, что почти всѣ выдающіеся нѣмецкіе педагоги послѣдняго времени гораздо усерднѣе изучаютъ психологическія сочиненія Гербарта, чѣмъ развитіе экспериментальной психологіи. *А почему они поступаютъ такъ*, оставлено безъ объясненія. (Стр. 4 и 5). Итакъ между ними *почти нѣтъ* людей, знающихъ и умѣющихъ понять экспериментальную психологію. Относительно психологовъ г. Нечаевъ обходитъ вопросъ полнымъ молчаніемъ. Но такъ какъ и они

Digitized by Google

не согласны съ нимъ, то, *вѣроятно*, по его мнѣнію, среди нихъ нѣтъ *ни одного*, кто бы кромѣ психологіи зналъ еще педагогику. Эта догадка о взглядахъ г. Нечаева подтверждается еще его собственными словами, высказанными въ предисловіи: „кромѣ новизны основного вопроса, задача моя, говоритъ г. Нечаевъ, *осложнялась* тѣмъ, что при *моей* работѣ требовалось спеціальное изученіе двухъ обширныхъ предметовъ—современной психологіи и педагогики". (Стр. X. Курсивъ здѣсь мой). Конечно, со стороны г. Нечаева, обвиняющаго большую часть педагогики въ пустословіи, не совсѣмъ осмотрительно въ доказательство сложности своего дѣла указывать, что ему надо было изучить и педагогику. Во всякомъ случаѣ эти слова подтверждаютъ догадку, что, по его мнѣнію, несогласіе психологовъ съ нимъ обусловлено ихъ незнаніемъ педагогики.

Но, вѣроятно, г. Нечаевъ позволитъ мнѣ усомниться въ основательности всѣхъ этихъ объясненій. Не стану говорить о педагогахъ; ибо г. Нечаевъ и самъ уже предусмотрительно оговорился, что имѣетъ въ виду не всѣхъ ихъ, а *почти* всѣхъ. Но неужели В. Анри, предшественникъ г. Нечаева по разрабатываемой имъ темѣ, тоже не знаетъ педагогики? Какъ же тогда онъ ухитрился такъ образцово составить свою книжку, недавно удостоенную Академіей Наукъ преміей имени К. Д. Ушинскаго, вышедшую въ 1900 г., подъ заглавіемъ „Современное состояніе экспериментальной педагогики, ея методы и задачи", о которой самъ же г. Нечаевъ упоминаетъ въ своей книгѣ? Это превосходно составленная книжка: вмѣсто 224 страницъ, образующихъ книгу г. Нечаева, въ ней всего 103 стр., а изъ нихъ В. Анри употребляетъ всего только 60 страницъ на „обзоръ результатовъ, полученныхъ до сихъ поръ въ экспериментальной педагогикѣ" (см. Совр. состоян. эксп. педагог. стр. 64; въ другой же половинѣ книжки В. Анри даетъ читателю множество такихъ свѣдѣній, какихъ нельзя найти ни въ одномъ изъ экспериментально-психологическихъ сочиненій). Тѣмъ не менѣе онъ на этихъ 60 страницахъ даетъ самую наглядную картину отношеній экспериментальной психологіи ко *всей* педагогикѣ (а не только дидактикѣ): въ этой книжкѣ читатель сразу ясно видитъ, за какіе вопросы, интересные для педагогики, экспериментальная психологія уже принялась и какъ именно, за какіе совсѣмъ еще не принималась, а за какіе еще только намѣревается приняться и какъ именно старается подойти къ нимъ. Неужели всего этого можно достичь, совсѣмъ не зная педагогики, а зная одну лишь экспериментальную психологію, въ которой В. Анри

Digitized by Google

стяжалъ себѣ почетную извѣстность? А если можно, то почему же не думать тогда, что можно написать такую же книгу, какъ г. Нечаева, совсѣмъ не зная ни психологіи, ни педагогики? Но развѣ г. Нечаевъ согласится съ этимъ? А если не согласится, то чѣмъ же объяснить его рѣзкую разницу со взглядами В. Анри, другихъ психологовъ и „*почти*“ всѣхъ педагоговъ? Когда г. Нечаевъ издастъ взамѣнъ черновыхъ тетрадей обработанную книгу, въ ней, навѣрное, не будетъ никакого повода къ этому вопросу.

c) Сверхъ всего этого въ книгѣ г. Нечаева есть масса частныхъ недостатковъ, которые немыслимо объяснить иначе, какъ поразительной торопливостью автора. Напримѣръ, на стр. 50 представленія „бѣлый“ и „бархатный“ оказались въ числѣ ассоціацій по контрасту (sic!). На стр. 111 говорится: „ожиданіе является существеннымъ признакомъ произвольнаго вниманія“. (Конечно—наоборотъ: вниманіе есть существенный признакъ ожиданія того, что сейчасъ будетъ). На стр. 149 авторъ говоритъ о классификаціи интересовъ, „которая, по его словамъ, будетъ предложена ниже“, но я ея нигдѣ не нашелъ—ни выше, ни ниже. Я уже не говорю о томъ, что онъ приписываетъ, какъ заслугу, экспериментальной психологіи указаніе существованія разныхъ видовъ моторныхъ образовъ слова и разныхъ видовъ памяти,—указаніе, которое впервые было сдѣлано исключительно при помощи наблюденій—главнымъ образомъ патологическихъ, а ужъ потомъ вызвало эксперименты для сравнительнаго изученія всѣхъ этихъ видовъ. (См. стр. 196 и 193, 173). Всѣ эти оплошности не доказываютъ ли неоспоримымъ образомъ, что авторъ поторопился отпечатать однѣ лишь свои черновыя бумаги и наброски будущей книги?

Теперь перейдемъ къ болѣе подробному поясненію и доказательству самыхъ крупныхъ промаховъ г. Нечаева, что я исполню въ томъ же порядкѣ, какъ охарактеризовалъ ихъ.

III.

Произвольность и ошибочность основного предположенія въ доказательствахъ г. Нечаева.

Когда г. Нечаевъ проводитъ въ своей книгѣ мысль, что экспериментальная психологія уже и теперь можетъ быть примѣняема, если и не всегда въ своихъ выводахъ, то, по крайней мѣрѣ, въ своихъ методахъ къ рѣшенію спорныхъ вопросовъ дидактики, то онъ нигдѣ

Digitized by Google

не сводитъ счетовъ съ тѣмъ обстоятельствомъ, что современная *экспериментальная психологія работаетъ надъ душевными явленіями, поставленными совсѣмъ въ другія условія, чѣмъ съ какими приходится имѣть дѣло педагогу, а иногда даже и сами то явленія бываютъ совсѣмъ другими, чѣмъ тѣ, о которыхъ говоритъ педагогика, хотя и называются такимъ же именемъ.* Отъ этого всѣ его заключенія о пригодности *современной* экспериментальной психологіи къ рѣшенію дидактическихъ вопросовъ висятъ на воздухѣ. А иногда они даже противорѣчатъ фактамъ, добытымъ самой же экспериментальной психологіей и приводимымъ въ сочиненіяхъ, о которыхъ упоминаетъ г. Нечаевъ въ своей работѣ. Напримѣръ, на стр. 22 онъ высказываетъ такія слова: „опытами совсѣмъ не подтверждается столь излюбленное многими педагогами положеніе, будто въ дѣтствѣ память оказывается особенно сильной. Эксперименты показываютъ совершенно другое". Это было бы очень важнымъ открытіемъ со стороны экспериментальной психологіи; ибо распредѣленіе учебнаго матеріала по возрастамъ основано на предположеніи, что въ дѣтствѣ память бываетъ сильнѣе. Поэтому географія, напримѣръ, пріурочена къ младшимъ классамъ гимназіи; а въ послѣднемъ классѣ ее повторяютъ всю сразу, чтобы усвоенное памятью пополнить пониманіемъ, требующимъ значительной подготовки посредствомъ знакомства съ исторіей и т. п.

Но всѣ опыты, которые предъ этимъ цитируются г. Нечаевымъ, равно какъ и его собственные опыты, производились надъ припоминаніемъ, дѣйствующимъ тотчасъ же послѣ воспринятаго впечатлѣнія—не позднѣй минуты или двухъ; а педагоги, говоря о силѣ дѣтской памяти, имѣютъ въ виду способность припоминать чрезъ продолжительное время, а не черезъ одну или двѣ минуты. Опыты экспериментаторовъ состояли, напримѣръ, въ томъ, что передъ дѣтьми разныхъ возрастовъ произносился рядъ въ 10—12 чиселъ или словъ, не составляющихъ никакихъ предложеній и т. п.; дѣти *тотчасъ же* послѣ этого говорили или записывали, что они слышали или видѣли и т. п. И оказывается, что чѣмъ моложе дѣти, тѣмъ чаще они ошибаются въ своихъ отвѣтахъ.

И вотъ, г. Нечаевъ, ссылаясь на этотъ фактъ, какъ на опроверженіе общепризнаннаго мнѣнія о силѣ дѣтской памяти, *не считаетъ нужнымъ доказывать, что онъ имѣетъ право, на основаніи сравненія у разныхъ возрастовъ только что описанной способности припоминать рядъ впечатлѣній тотчасъ послѣ ихъ воспріятія, дѣлать заключенія о силѣ такой памяти у дѣтей, о которой говорятъ всѣ*

Digitized by Google

педагоги. А вѣдь фактъ, сейчасъ описанный, показываетъ не одну лишь силу памяти: опыты, которые цитируетъ здѣсь и производилъ еще самъ г. Нечаевъ, не составляютъ опытовъ надъ одной лишь памятью. Явленія, изучаемыя при ихъ помощи, только случайнымъ образомъ экспериментаторы *назвали* (для краткости) памятью. Въ дѣйствительности же здѣсь передъ нами *опыты надъ умѣньемъ давать отчетъ въ только что испытанныхъ впечатлѣніяхъ.* И мы безъ всякихъ экспериментовъ заранѣе знаемъ, что это умѣнье будетъ тѣмъ больше, чѣмъ старше человѣкъ, особенно же, если дѣло идетъ о томъ, чтобы *дѣти* обнаружили это умѣнье посредствомъ *записи* испытанныхъ ими впечатлѣній.

Въ умѣньи правильно записывать только что воспринятыя впечатлѣнія сказывается кромѣ памяти еще цѣлый комплексъ факторовъ, каждый изъ которыхъ усиливается по мѣрѣ возраста, особенно же у дѣтей, воспитываемыхъ въ школахъ: навыкъ сосредоточивать вниманіе на воспринимаемыхъ впечатлѣніяхъ, навыкъ вникать и понимать предъявляемыя къ нимъ требованія, навыкъ серьезно относиться къ производимымъ надъ ними опытами, навыкъ писать чисто автоматически, не думая о процессѣ писанія и т. п. Этимъ же путемъ легко объясняется и тотъ поражающій г. Нечаева фактъ, что ростъ правильности записей только что воспринятыхъ впечатлѣній испытываетъ временную задержку въ періодъ полового развитія: въ воспитательномъ отношеніи это самый трудный періодъ; человѣкъ весь въ какомъ то броженіи. Но г. Нечаевъ, ничто же сумняшеся, характеризуетъ этотъ вполнѣ понятный фактъ уменьшенія вниманія къ тому, что требуется сдѣлать отъ ученика, какъ временную задержку въ ростѣ *памяти* (стр. 40), и выставляетъ его, какъ особенно важное открытіе экспериментальной психологіи (стр. 60). Но развѣ педагоги и весь міръ, приписывая дѣтямъ память болѣе сильную, чѣмъ у взрослыхъ, говорятъ о способности *давать отчетъ, да еще письменный, въ только что испытанномъ рядѣ впечатлѣній?* Разумѣется, они говорятъ совсѣмъ о другомъ, а именно: въ дѣтствѣ механически все заучивается гораздо легче, чѣмъ позднѣе; и хорошо заученное въ дѣтствѣ становится болѣе прочнымъ достояніемъ, чѣмъ заученное, хотя бы и столь же хорошо, но позднѣй. Отсюда ясно, что слова г. Нечаева, будто бы психологическіе эксперименты опровергаютъ общепризнанное мнѣніе о силѣ дѣтской памяти, лишены всякой почвы; они основаны на *молча* сдѣланномъ имъ *произвольномъ и явно ошибочномъ* предположеніи, будто бы эти эксперименты производятся

Digitized by Google

надъ тѣмъ самымъ, о чемъ говорятъ педагоги. Въ дѣйствительности же эти эксперименты касаются явленій, *хотя и одноименныхъ, но совершенно разнородныхъ съ тѣми, о которыхъ говоритъ педагогика*: эти эксперименты говорятъ о комплексѣ факторовъ, въ которомъ память образуетъ лишь *одну изъ составныхъ частей;* а педагоги говорятъ *только* о памяти, что она, а не весь этотъ комплексъ, у дѣтей сильнѣе, чѣмъ у взрослыхъ.

Но дѣло стоитъ для характеристики книги г. Нечаева еще хуже; ибо эти слова его противорѣчатъ даже тѣмъ *опытамъ*, которые несмотря на всю ихъ затруднительность все-таки были произведены такими искусными изслѣдователями, какъ Бине и В. Анри. Эти опыты описаны въ книжкѣ послѣдняго „Современное состояніе экспериментальной психологіи" на стр. 91 и 92. Г. Нечаевъ упоминаетъ объ этой книжкѣ, но почему-то считаетъ позволительнымъ для себя *игнорировать* эти опыты. Ихъ сущность состоитъ вотъ въ чемъ: двумъ классамъ, каждый по 40 учениковъ, средній возрастъ которыхъ равнялся въ одномъ классѣ $8^1/_2$ годамъ, а въ другомъ $9^1/_2$, говорили рядъ словъ и просили учениковъ тотчасъ же записать ихъ. (Ряды брались одинъ въ 5, два по 6 и два по 7 словъ). Послѣ дѣлали видъ, что опыты совсѣмъ кончены, но черезъ часъ неожиданно для учениковъ возвращались въ классъ и просили опять записать слова, которыя имъ говорили раньше. И что же оказалось? Классъ съ дѣтьми $8^1/_2$ лѣтъ въ среднемъ при повтореніи тотчасъ послѣ впечатлѣнія сдѣлалъ 264 ошибки, а черезъ часъ 586; классъ же съ дѣтьми въ $9^1/_2$ лѣтъ при повтореніи тотчасъ сдѣлалъ всего 236 ошибокъ (на 28 *меньше* другого класса), зато при повтореніи черезъ часъ 683 ошибки (на 97 *больше* другого класса). А развѣ это не подтверждаетъ мнѣнія, что чѣмъ моложе человѣкъ, тѣмъ сильнѣе его память? Дѣйствительно, хотя младшіе ученики *дали худшій отчетъ* въ только что испытанныхъ впечатлѣніяхъ, за то черезъ часъ *припомнили* ихъ лучше, чѣмъ старшіе ученики.

Въ той же самой книжкѣ приведены еще опыты Киркпатрика, заимствованные изъ статьи, цитируемой и самимъ г. Нечаевымъ (на стр. 161). Изъ нихъ видно, что черезъ три дня память *разныхъ* родовъ ослабѣваетъ совершенно различнымъ образомъ (см. у В. Анри стр. 94). Эти опыты производились слѣдующимъ образомъ: 380 ученикамъ въ одномъ случаѣ говорили рядъ изъ 10 словъ, а во второмъ съ тою же быстротой писали слова на доскѣ (при чемъ въ однихъ опытахъ стирали слово передъ тѣмъ, какъ написать слѣдую-

Digitized by Google

щее, въ другихъ же оставляли всѣ слова написанными до конца ряда). Наконецъ, въ тѣхъ же классахъ ученикамъ показывали десять различныхъ предметовъ (перо, монету, карандашъ и др.). Ученики записывали напамять все воспринятое и тотчасъ послѣ впечатлѣнія и черезъ три дня. Результаты, выраженные въ среднемъ выводѣ изъ того, что припомнилъ каждый ученикъ, оказались слѣдующими:

Тотчасъ: Слова услышанныя—6,85. Слова написанныя—6,92. Предметы—8,28.

Черезъ три дня: Слова услышанныя 0,91. Слова написанныя—1,89. Предметы—6,28.

Отсюда ясно, что *разнаго рода припоминаніе* (предметовъ, услышанныхъ и написанныхъ словъ) *съ теченіемъ времени ослабѣваетъ различнымъ образомъ*; слѣдовательно, мы не имѣемъ никакого права переносить все, что подмѣтимъ въ отчетѣ, данномъ тотчасъ послѣ ряда впечатлѣній, на память, о которой говорятъ педагоги. Но г. Нечаевъ *молча* допускаетъ, что на основаніи отчета дѣтей, даннаго тотчасъ послѣ ряда впечатлѣній, можно дѣлать сравненія *роста разныхъ* родовъ той памяти, которая имѣется въ виду педагогами.

Какъ же при всемъ этомъ не задуматься: съ чѣмъ мы встрѣчаемся здѣсь, съ поразительной ли грубостью психологическаго анализа, съ отсутствіемъ ли вдумчиваго изученія литературы предмета, изученія, замѣненнаго какимъ-то торопливымъ проглатываніемъ ея, или же вообще съ непростительной поспѣшностью въ работѣ? И задуматься надъ этимъ тѣмъ естественнѣе, что на несоотвѣтствіе явленій, изучаемыхъ въ экспериментальной психологіи, съ явленіями, интересующими педагога, уже ясно указано въ научной литературѣ, указано даже въ двухъ сочиненіяхъ, упоминаемыхъ самимъ же г. Нечаевымъ; можетъ быть, и больше чѣмъ въ двухъ, изъ множества упоминаемыхъ имъ, но за два я ручаюсь. Одно изъ нихъ—это только что цитированная книжка В. Анри, которую г. Нечаевъ даже *рекомендуетъ* своимъ читателямъ на стр. XI для ознакомленія съ методами школьнаго экспериментированія и обработки полученныхъ результатовъ. А въ ней передъ изложеніемъ только что описанныхъ мною опытовъ надъ двумя классами говорится слѣдующее: „для педагога важно знать способность ученика запоминать ряды представленій не на короткое время, какъ въ предыдущихъ опытахъ (подъ этими словами В. Анри подразумѣваетъ опыты въ родѣ тѣхъ, которые и цитировались и производились г. Нечаевымъ

Digitized by Google

для опроверженія мнѣнія педагоговъ о силѣ дѣтской памяти), а на болѣе продолжительное время" (стр. 90 у В. Анри). Потомъ В. Анри говоритъ о затруднительности экспериментировать надъ запоминаніемъ, которое важно знать педагогу, т.-е. надъ запоминаніемъ на продолжительное время, и приводитъ, какъ попытку подобнаго экспериментированія, только что цитированные мной опыты надъ двумя классами учениковъ. Кажется, все это достаточно ясно, чтобы заставить г. Нечаева сводить счеты съ вопросомъ, поставленнымъ В. Анри. Подобное же указаніе на несоотвѣтствіе явленій, которыя уже изучаются современной экспериментальной психологіей, съ явленіями, какія важно было бы знать педагогу, было сдѣлано, правда въ примѣненіи лишь къ вопросу объ умственномъ утомленіи, еще въ одномъ сочиненіи тоже изъ числа *упоминаемыхъ г. Нечаевымъ* (см. его книгу стр. 91), именно извѣстнымъ педагогомъ Шиллеромъ въ его „Der Stundenplan" (см. Sammlung von Abhandlung. zur pädagogisch. Psychologie und Physiologie I B. стр. 5), гдѣ говорится: „всѣ эти опыты (надъ умственнымъ утомленіемъ) страдаютъ той ошибкой, что они совсѣмъ не соотвѣтствуютъ обыкновенному школьному обученію". И эта мысль тамъ разъясняется очень подробно. Да и самъ г. Нечаевъ въ своемъ введеніи (на стр. 9) ставитъ вопросъ: стоитъ ли участвовать въ занятіяхъ психологическими опытами для практической подготовки къ учительству, коль скоро они „обыкновенно слишкомъ далеко стоятъ отъ непосредственныхъ явленій школьной жизни?" Правда, онъ имѣетъ въ виду только лабораторные, а не школьные опыты. Но такъ какъ послѣднихъ до сей поры было сдѣлано неизмѣримо меньше, чѣмъ первыхъ, то значитъ, множество обстоятельствъ побуждало г. Нечаева (особенно же вышеупомянутые эксперименты, *противорѣчащіе* его основному взгляду) задуматься надъ вопросомъ: имѣемъ ли мы право на основаніи существовавшихъ до сихъ поръ психологическихъ экспериментовъ дѣлать какія-либо педагогическія заключенія? Не хватало только одного изъ трехъ условій: или удовлетворительнаго обладанія психологическимъ анализомъ, или внимательнаго отношенія къ литературѣ предмета, или, наконецъ, внимательнаго отношенія къ своей работѣ, по крайней мѣрѣ — настолько внимательнаго, чтобы не печатать ея въ черновыхъ набросках.

Впрочемъ, несправедливо сказать, будто бы г. Нечаевъ *совсѣмъ* не задумывался надъ вопросомъ о несоотвѣтствіи явленій, изучаемыхъ въ *современной* экспериментальной психологіи, съ тѣми, о которыхъ говорятъ педагоги: *одинъ разъ*, и уже *въ самомъ началѣ*

Digitized by Google

книги, онъ было задумался надъ этимъ фактомъ, но не остановился на немъ и сталъ дальше писать всю книгу такъ, какъ если бы не было такого факта. Именно, когда онъ утверждаетъ, будто бы эксперименты опровергаютъ мнѣніе, что въ дѣтствѣ память бываетъ сильнѣй, чѣмъ позже, то г. Нечаевъ въ *подстрочномъ* примѣчаніи „во избѣжаніе недоразумѣній", какъ сказано тамъ, дѣлаетъ такую оговорку: „указанные эксперименты имѣли цѣлью установить разницу въ силѣ воспроизведенія учащимися данныхъ впечатлѣній *непосредственно послѣ ихъ полученія*" (стр. 22, курсивъ мой). И больше *ни слова* по поводу этого несоотвѣтствія. Но развѣ это опроверженіе факта несоотвѣтствія? Напротивъ, это полное признаніе его существованія, но признаніе, которое безъ всякихъ разсужденій тотчасъ же сопровождается полнымъ игнорированіемъ признаннаго факта. Вотъ почему въ общей характеристикѣ я сказалъ, что самоувѣренность г. Нечаева можетъ показаться даже обидной для читателя. Въ какомъ свѣтѣ рисуется автору умственный кругозоръ читателей, если онъ надѣется, что они все-таки будутъ убѣждены его доводами? Впрочемъ, дѣло легко объясняется и безъ обидныхъ для читателей предположеній со стороны г. Нечаева: въ черновыхъ тетрадяхъ часто бываетъ, что возраженіе, которое должны сдѣлать автору, записывается имъ для памяти, но остается безъ опроверженія; ибо авторъ разсчитываетъ когда-нибудь впослѣдствіи вдуматься въ это возраженіе.

А надо имѣть въ виду, что свое произвольное и ошибочное предположеніе, о которомъ сейчасъ шла рѣчь, г. Нечаевъ допускаетъ, и при томъ *всегда молчкомъ*, не только когда говоритъ о ростѣ памяти и разницѣ ея развитія у мальчиковъ и дѣвочекъ, а также и во всей книгѣ. Вотъ другой примѣръ, изъ *середины* книги: это такъ называемыя „періодическія колебанія вниманія", изучавшіяся Урбанчичемъ, Н. Н. Ланге и др. Упомянувъ о нихъ, г. Нечаевъ спрашиваетъ: „можетъ ли это явленіе имѣть практическое значеніе для учителя?" и отвѣчаетъ, что въ связи съ усталостью оно помѣшаетъ ученику слушать учителя или, по крайней мѣрѣ, почти воспрепятствуетъ удержать въ памяти слова послѣдняго и т. д. (стр. 112—114). Но эти періодическія колебанія вниманія, точнѣе говоря — ясности впечатлѣній, подмѣчаются при такихъ условіяхъ, которыя не имѣютъ мѣста въ школахъ. Напримѣръ, они замѣтны, если мы съ *наивысшимъ* напряженіемъ вниманія, удаливъ отъ себя все прочее, что могло бы его привлечь къ себѣ (напримѣръ, въ полутемнотѣ, въ полной

Digitized by Google

тишинѣ), вслушиваемся въ тиканье карманныхъ часовъ, помѣщенныхъ на такомъ разстояніи, чтобы ихъ звукъ былъ *едва* замѣтенъ; тогда почему-то періодически чрезъ небольшіе періоды времени, отъ 3 до 5 секундъ, онъ исчезаетъ, а потомъ снова появляется. Ясно, что на основаніи этого явленія еще нельзя дѣлать ровно никакихъ заключеній о вниманіи, дѣйствующемъ безъ крайнихъ степеней напряженія и въ обычной классной обстановкѣ. Къ тому же еще до сихъ поръ остается спорнымъ вопросомъ, составляютъ ли эти *такъ называемыя* періодическія колебанія вниманія дѣйствительно колебанія *вниманія*, или же колебанія чего нибудь другого, напримѣръ, въ дѣятельности органа чувствъ и т. п.

Наконецъ, послѣдній примѣръ того же крупнаго промаха почти изъ *конца* книги. Г. Нечаевъ ссылается (стр. 154—155) на опыты Лотти Стефенсъ, какъ на доказательство, что „привычный способъ заучиванія далеко не всегда оказывется *самымъ удобнымъ* для *даннаго* лица" (курсивъ мой). И изъ этихъ опытовъ онъ дѣлаетъ такое важное заключеніе: „школа должна научить своихъ питомцевъ *работѣ запоминанія*: она должна показать имъ *цѣлесообразные способы заучиванія*" (курсивъ мой). Но въ чемъ же состояли опыты Стефенсъ? Ея опыты надъ заучиваніемъ безсмысленнаго ряда слоговъ оставимъ безъ вниманія: они если и интересны для педагоговъ, то только для преподавателей тѣхъ еврейскихъ школъ, въ которыхъ заучивается талмудъ на незнакомомъ языкѣ. Сущность же другихъ опытовъ Стефенсъ состояла въ томъ, что она давала семи испытуемымъ лицамъ заучивать вслухъ стихи въ 9 строкъ, оба раза—конечно, однороднаго содержанія (чаще всего брались отрывки изъ Чайльдъ-Гарольда), но одинъ разъ предоставляя имъ полную свободу заучиванія, а въ другой разъ прося ихъ заучивать по указанному ею способу. И оказалось, что всѣ испытуемые, когда заучиваютъ стихотвореніе по своему, то-есть какъ имъ самимъ кажется лучше, разбиваютъ его для заучиванія на части, которыя повторяютъ по нѣскольку разъ, при чемъ каждый дѣлаетъ эти раздѣленія и повторенія по своему; но на все заучиваніе каждый изъ нихъ тратилъ нѣсколько больше времени (отъ 4 секундъ до 1 минуты 12 секундъ), чѣмъ, если онъ заучиваетъ стихотвореніе такой же величины, читая нѣсколько разъ его все цѣликомъ. Вотъ въ этомъ-то фактѣ и видитъ г. Нечаевъ подтвержденіе своихъ педагогическихъ выводовъ. Но не очевидно ли, что эти опыты вообще не имѣютъ никакого педагогическаго значенія? Вѣдь одно дѣло заучивать неизвѣстно зачѣмъ въ психологическомъ кабинетѣ и другое

Digitized by Google

заучивать съ цѣлью *наиболѣе прочнаго* запоминанія *при наименьшей тратѣ времени, усилій и съ наименьшей скукой.* Для педагога важно только послѣднее заучиваніе; а естественно, что каждый изъ насъ на практикѣ узналъ, какой способъ заучиванія *съ цѣлью самаго прочнаго запоминанія* оказывается *для него лично* наиболѣе цѣлесообразнымъ въ смыслѣ *соединенія наибольшей скорости съ наименьшей утомительностью и наименьшей скукой.* И нѣтъ ничего удивительнаго, что этотъ способъ заучиванія окажется на нѣсколько секундъ (даже и минутъ) продолжительнѣе какого-нибудь другого, подобраннаго въ психологическомъ кабинетѣ безъ всякихъ соображеній и объ его утомительности, скучности и объ его пригодности для цѣлей школы и жизни.

Нѣтъ, пусть учителя и учительницы не увлекаются проектомъ г. Нечаева обучать дѣтей наиболѣе цѣлесообразнымъ пріемамъ заучиванія: въ этомъ вопросѣ навыкъ, выработанный ученикомъ подъ руководствомъ собственнаго невольнаго самонаблюденія, гораздо надежнѣе, чѣмъ всякіе разсчеты посторонняго лица, которые при *современномъ* положеніи дѣлъ могутъ быть лишь самыми грубыми. Да и сама Стефенсъ вовсе не претендуетъ на то, что она открыла наиболѣе *удобный* для даннаго лица способъ заучиванія. Въ своей статьѣ, на которую ссылается г. Нечаевъ, она сама высказываетъ такую мысль (см. Zeitschrift für Psychologie und Physiologie der Sinnesorgane B. 22, стр. 335): „замѣчу, что степенью утомленія, которой требуютъ разные способы заучиванія, и всѣми связанными съ нимъ вопросами, я не занималась". А въ другомъ мѣстѣ той же статьи она говоритъ про способъ заучиванія, который оказался самымъ короткимъ: „иное дѣло, какой способъ заучиванія будетъ самымъ благопріятнымъ для удерживанія. (Behalten—т.-е., благопріятнымъ въ смыслѣ прочности). Но изслѣдованіе этого вопроса не входитъ въ мою задачу" (ibid. стр. 368). Но г. Нечаевъ, вслѣдствіе поразительной торопливости, съ какой онъ читалъ цитируемыя имъ сочиненія, проглядѣлъ обѣ эти оговорки, сдѣланныя самой же Стефенсъ и сполна уничтожающія основанныя имъ на ея опытахъ ошибочныя заключенія.

IV.

Необоснованность и произвольность составленнаго г. Нечаевымъ плана для новыхъ работъ по тому же предмету.

Какъ мы сейчасъ видѣли, у г. Нечаева доказательства важности

Digitized by Google

современной экспериментальной психологіи для развитія дидактики опираются, между прочимъ, на игнорированіи разницы явленій, подвергаемыхъ экспериментированію, съ одноименными, но отличающимися отъ нихъ явленіями, которыя важны для педагога. Въ виду этого легко объяснить, почему г. Нечаевъ является вполнѣ піонеромъ въ предпринятомъ имъ дѣлѣ примѣненія *уже существующей* экспериментально-психологической литературы къ развитію общей дидактики и почему сами авторы цитируемыхъ имъ сочиненій не придаютъ послѣднимъ такого значенія, какое приписываетъ имъ г. Нечаевъ.

Но, какъ сказано въ самомъ началѣ моего разбора, г. Нечаевъ проситъ на стр. X, чтобы его книгу оцѣнивали преимущественно, какъ научно обоснованный *планъ* для новыхъ работъ въ этомъ направленіи. Если же оцѣнивать ее съ этой точки зрѣнія, то надо признать, что въ основу своего плана онъ, кромѣ только что описаннаго мной произвольнаго и явно ошибочнаго отожествленія разнородныхъ явленій, допускаемаго имъ безъ всякихъ доказательствъ, кладетъ еще столь же произвольное предположеніе, вполнѣ однородное съ этимъ отожествленіемъ. Именно: сами цитируемые г. Нечаевымъ авторы разсматриваютъ свои экспериментальныя работы не какъ назначенныя для непосредственнаго примѣненія къ развитію дидактики. Большинство изъ нихъ, предпринимая свои изслѣдованія, совсѣмъ и не думали о педагогикѣ.

Поэтому и употребляемые ими пріемы экспериментированія они не могли разсматривать, какъ уже пригодные для развитія педагогики; а если г. Нечаевъ, строя свой научно обоснованный планъ, хочетъ тѣмъ не менѣе поставить цитируемыя имъ работы въ связь съ положеніями дидактики, то онъ должен тщательно доказать, что методы, употребляемые въ этихъ работахъ, вопреки мнѣнію ихъ авторовъ, дѣйствительно примѣнимы къ развитію дидактики. Значитъ, онъ долженъ былъ бы описывать эти методы и анализовать ихъ съ точки зрѣнія ихъ пригодности для развитія дидактики. Но г. Нечаевъ не дѣлаетъ ничего подобнаго, а ограничивается сообщеніемъ однихъ лишь окончательныхъ выводовъ, полученныхъ цитируемыми авторами, и самыми общими указаніями, въ чемъ именно состояли ихъ опыты. Вмѣстѣ съ тѣмъ г. Нечаевъ нигдѣ не объясняетъ, почему онъ находитъ позволительнымъ для себя подобный пропускъ. Нельзя же считать такимъ объясненіемъ его упоминаніе въ предисловіи, что онъ не задавался цѣлью написать руководство по экспериментальной техникѣ (стр. X): вѣдь два совершенно различныхъ дѣла составленіе

Digitized by Google

подобнаго руководства и вопросъ о примѣнимости того или другого экспериментальнаго пріема къ такимъ цѣлямъ, которыхъ не имѣлъ въ виду его изобрѣтатель.

V.

Явныя несообразности въ постановкѣ, выводахъ и въ описаніи опытовъ г. Нечаева надъ памятью.

Теперь я перейду къ разбору самостоятельныхъ изслѣдованій г. Нечаева, къ его собственнымъ опытамъ и систематическимъ самонаблюденіямъ, произведеннымъ имъ на благо педагогики. Они заслуживаютъ довольно подробнаго разбора; ибо на самостоятельныхъ изслѣдованіяхъ гораздо легче и вѣрнѣе можно подмѣтить степень научной подготовки ихъ автора, чѣмъ на компилятивной работѣ. Да и посвящена имъ г. Нечаевымъ чуть не четверть книги. (Именно: изъ 224 стр. имъ удѣлены страницы 28—60, 68—84, 117—124 и 150—152). Эти изслѣдованія распадаются на три части: 1) опыты надъ памятью учениковъ и ученицъ; 2) опыты надъ внушеніемъ и 3) самонаблюденія надъ умственной работоспособностью. Въ этомъ порядкѣ я и разберу каждое изъ нихъ порознь.

Надъ памятью учениковъ и ученицъ въ возрастѣ отъ 9 до 18 лѣтъ трехъ мужскихъ и трехъ женскихъ школъ г. Нечаевъ производилъ слѣдующіе опыты: онъ или показывалъ имъ 12 предметовъ, по одному черезъ 5 секундъ, или черезъ такіе же промежутки производилъ передъ ними 12 звуковъ, или произносилъ 12 двузначныхъ чиселъ, или же 12 трехсложныхъ словъ, изъ которыхъ всѣ 12 имѣли бы однородныя значенія, напримѣръ, всѣ означали бы звуки, или предметы, воспринимаемые зрѣніемъ и т. д. Тотчасъ послѣ каждаго такого показыванія или произнесенія чиселъ или словъ ученики должны были записать на бумагѣ, что именно они запомнили изъ числа показанныхъ имъ предметовъ или изъ услышанныхъ звуковъ, чиселъ и словъ. Результаты же этихъ опытовъ сопоставлялись для полученія различныхъ обобщеній, какъ между собой, такъ и съ результатами опытовъ надъ внушеніями, съ письменными отвѣтами испытуемыхъ на разные вопросы, касающіеся того, какъ имъ легче учить уроки, какіе предметы для нихъ самые легкіе и самые трудные и т. п., а также съ измѣреніями емкости легкихъ и мускульной силы нѣкоторыхъ, именно 130 испытуемыхъ.

По существу своему, т.-е. по методу, произведенные г. Нечае-

Digitized by Google

вымъ опыты надъ памятью не представляютъ собой ничего новаго. Точно такіе же опыты надъ учениками производились уже многими психологами, начиная съ 1891 г. Г. Нечаевъ только придалъ имъ болѣе широкую форму, подвергнувъ испытанію не два-три, а цѣлыхъ восемь родовъ памяти — память на предметы, воспринимаемые зрѣніемъ, на звуки, числа и на пять родовъ словъ, отличающихся по своему значенію. Поэтому изслѣдованія г. Нечаева надъ памятью приходится оцѣнивать не по тѣмъ заслугамъ, за которыми въ настоящее время больше всего гонятся представители экспериментальной психологіи, т.-е. не по степени сдѣланнаго имъ усовершенствованія методовъ изслѣдованія, но только по степени обнаруженнаго г. Нечаевымъ искусства пользоваться уже существующими методами изслѣдованія и по надежности полученныхъ имъ выводовъ.

Къ сожалѣнію, изслѣдованія г. Нечаева надъ памятью не имѣютъ для науки никакой цѣнности. Я не стану теперь говорить о томъ, что г. Нечаевъ свои опыты надъ умѣньемъ дѣтей давать письменный отчетъ въ только что испытанныхъ впечатлѣніяхъ безъ всякаго анализа разсматриваетъ прямо, какъ опыты надъ памятью, между тѣмъ какъ наряду съ ней здѣсь обнаруживается цѣлый рядъ навыковъ. Чтобы стать на его точку зрѣнія, я тоже буду постоянно разсматривать ихъ, какъ опыты надъ одной лишь памятью, и покажу къ чему это приводитъ.

При своихъ экспериментахъ надъ памятью г. Нечаевъ имѣлъ въ виду прежде всего выяснить зависимость памяти у мальчиковъ и дѣвочекъ отъ возраста. По правиламъ логики (методъ сопутствующихъ измѣненій) онъ долженъ былъ бы или устранить вліяніе на память со стороны всѣхъ другихъ обстоятельствъ, кромѣ неотдѣлимыхъ отъ возраста, или сдѣлать это вліяніе повсюду одинаковымъ. Но г. Нечаевъ поступаетъ въ родѣ того, какъ если бы кто, желая узнать зависимость развитія ума отъ возраста, употребилъ для этого такой пріемъ: представителей младшаго возраста взялъ бы изъ училища для идіотовъ, средняго изъ гимназіи, а старшаго изъ университета. Дѣйствительно, дѣвочекъ 9 и 10 лѣтъ г. Нечаевъ беретъ изъ народнаго училища, 13 и 14 лѣтъ только изъ женской гимназіи, 11 и 12 лѣтъ изъ гимназіи и народнаго училища, а для возрастовъ, начиная съ 15 лѣтъ изъ гимназіи и пріюта принца Ольденбургскаго. Въ родѣ этого поступаетъ онъ и съ мальчиками: 9 и 10 лѣтніе взяты только изъ народнаго училища и реальной школы принца Ольденбургскаго, начиная съ 13 лѣтъ только изъ реальной школы и Але-

Digitized by Google

ксандровскаго лицея, а 11 и 12 лѣтніе, т. е. средній возрастъ, изъ всѣхъ этихъ трехъ заведеній.

Такимъ образомъ то, что г. Нечаевъ приписываетъ одному лишь возрасту, можетъ оказаться въ зависимости отъ неодинаковаго характера школъ, въ которыхъ находятся дѣти разнаго возраста, сравниваемые между собою. Г. Нечаевъ ни разу не задумался, чтобы свести счеты съ этимъ крупнымъ и фундаментальнымъ недостаткомъ въ постановкѣ своихъ экспериментовъ, хотя, разсматривая приведенные имъ самимъ первоначальные результаты испытанія, онъ могъ бы тотчасъ же убѣдиться наглядно (если бы даже раньше забылъ объ этомъ фактѣ), что принадлежность къ той или другой школѣ несомнѣнно вліяетъ по своему на результаты его опытовъ надъ учениками этихъ школъ. Именно: если бы не было вліянія на память со стороны отличительныхъ особенностей школы, то память даннаго рода у мальчиковъ одного и того же возраста была бы въ разныхъ школахъ одинаковой, также какъ, въ свою очередь, и у дѣвочекъ одного возраста, но разныхъ школъ. Между тѣмъ изъ таблицъ, приведенныхъ на стр. 36—38, видно, что память всякаго рода у лицеистовъ значительно ниже, чѣмъ у реалистовъ того же возраста. Напримѣръ, запоминаніе предметовъ, воспринимаемыхъ зрѣніемъ, для лицеистовъ всѣхъ возрастовъ отъ 11 до 18 лѣтъ включительно и для реалистовъ тѣхъ же возрастовъ выражается слѣдующими двумя рядами чиселъ, расположенными по мѣрѣ увеличенія числа лѣтъ, начиная съ 11 и кончая 18-ю (см. эти числа на стр. 36).

Лицеисты: 7—7—7,6—8,7—8,8—8,9—8,9—9,1.

Реалисты: 8,4—9,1—8,7—9,4—9,5—10,5—9,8—9,6.

Эти числа представляютъ собой для каждаго возраста средній выводъ изъ числа впечатлѣній, правильно записанныхъ дѣтьми этого возраста.

Разница, доказываемая этими двумя рядами, кидается въ глаза еще сильнѣе, если мы возьмемъ суммы этихъ чиселъ. Для лицеистовъ получается 66, а для реалистовъ 75; а эти суммы должны бы выходить равными, если бы характеръ школы не вліялъ на развитіе того, что г. Нечаевъ произвольно называетъ памятью. И эта разница между лицеистами и реалистами не случайная: она систематически повторяется во всѣхъ родахъ памяти. Если читатель, пользуясь таблицей X г. Нечаева (на стр. 36—38), сложитъ числа, характеризующія память лицеистовъ и реалистовъ одинаковаго возраста, то

Digitized by Google

получитъ такія суммы: память на звуки у лицеистовъ 51, у реалистовъ 54,8. Память на числа: у лицеистовъ 38,6, у реалистовъ 42,1. Память на слова, обозначающія зрительные образы: у лицеистовъ 54,7, у реалистовъ 58,1. Память на слова, обозначающія звуки: у лицеистовъ 45,7, у реалистовъ 54. Память на названія осязательныхъ образовъ: у лицеистовъ 43,8, у реалистовъ 52,5. На названія эмоціональныхъ представленій у лицеистовъ 40,1, у реалистовъ 45,2. На названія отвлеченныхъ представленій у лицеистовъ 41,7, у реалистовъ 44,6. Для *всѣхъ* же родовъ памяти, взятыхъ вмѣстѣ, получаются такія числа: у лицеистовъ—381,6; у реалистовъ—421,4.

Словомъ: *если бы г. Нечаевъ внимательно разсматривалъ самые первоначальные результаты своихъ опытовъ, то онъ долженъ былъ бы тотчасъ же измѣнить всю постановку опытовъ надъ памятью или же обойтись безъ нихъ въ своей книгѣ, а не заниматься попусту построеніемъ дальнѣйшихъ таблицъ и чертежей, изъ которыхъ многія вообще ни къ чему не нужны въ его книгѣ.*

При допущенной же имъ неправильной постановкѣ, и всѣ обобщенія, полученныя имъ на основаніи этихъ опытовъ, должны быть хуже, чѣмъ ненадежными. И дѣйствительно, г. Нечаевъ утверждаетъ, напримѣръ, будто бы у мальчиковъ память на реальныявпечатлѣнія (на предметы и звуки) сильнѣе, чѣмъ у дѣвочекъ (стр. 45). Но такъ выходитъ только въ томъ случаѣ, если мы вмѣстѣ съ г. Нечаевымъ упускаемъ изъ виду вліяніе особаго характера каждой школы на результаты опытовъ. Если же мы будемъ сравнивать мальчиковъ и дѣвочекъ одинаковыхъ возрастовъ по отдѣльнымъ школамъ, то оказывается, что у лицеистовъ, вопреки выводу г. Нечаева, память на реальныя впечатлѣнія вообще ниже, чѣмъ у гимназистокъ той гимназіи, въ которой онъ производилъ свои опыты. Это особенно ясно видно, если мы сложимъ вмѣстѣ числа, посредствомъ которыхъ г. Нечаевъ характеризуетъ память на реальныя впечатлѣнія каждаго отдѣльно взятаго возраста у лицеистовъ и гимназистокъ. (См. стр. 36 табл. X, № 1 и № 2). Для памяти на предметы у лицеистовъ съ 11 до 18 лѣтъ сумма равняется 66, а у гимназистокъ тѣхъ же возрастовъ—74,1, число почти равное тому, которое получается для реалистовъ, т.-е. 75. Для памяти же на звуки у лицеистовъ 51, а у гимназистокъ все-таки больше, именно—51,4. Какъ же послѣ этого утверждать въ видѣ общаго закона, будто бы у учениковъ память на предметы и звуки сильнѣе, чѣмъ у ученицъ? Выводъ же г. Нечаева получился только оттого, что при своихъ сравненіяхъ онъ сваливаетъ въ кучу *случайно* на-

Digitized by Google

бранныхъ представителей совершенно разнородныхъ школъ—трехъ разнородныхъ мужскихъ и трехъ женскихъ, при чемъ на реалистовъ изъ общаго числа мальчиковъ пришлась огромнѣйшая доля—почти $^3/_4$ (335 изъ 494 всѣхъ мальчиковъ), а лицеистовъ было даже меньше, чѣмъ гимназистокъ (первыхъ 112, а вторыхъ 129). Реалисты при этомъ сравненіи и заставили въ среднемъ выводѣ мальчиковъ взять верхъ надъ дѣвочками. Этотъ примѣръ, наглядно показывая, на какомъ плохомъ фундаментѣ строитъ г. Нечаевъ свои обобщенія и какъ они легко разрушаются, вмѣстѣ съ тѣмъ ясно свидѣтельствуетъ, что и всѣ дальнѣйшіе выводы, сдѣланные имъ на основаніи изслѣдованій памяти, не могутъ имѣть никакого научнаго значенія.

Приведу теперь примѣры, которые вмѣстѣ съ тѣмъ покажутъ, какъ опасно полагаться на изслѣдованія г. Нечаева, именно въ дидактикѣ, для усовершенствованія которой онъ и предпринялъ составленіе всей своей книги.

Если вмѣстѣ съ нимъ придавать его изслѣдованіямъ надъ памятью педагогическое значеніе (чего однако не слѣдуетъ дѣлать), то они обязываютъ признать такой чудовищный выводъ: преподавая дѣвочкамъ отъ 8 до $11^1/_2$ лѣтъ включительно, гораздо полезнѣе описывать словами направленія рѣкъ и другіе предметы, воспринимаемые зрѣніемъ, чѣмъ показывать ихъ на картѣ или въ натурѣ; ибо по изслѣдованіямъ г. Нечаева въ эти годы у дѣвочекъ запоминаніе *словъ*, обозначающихъ зрительныя представленія, развито гораздо сильнѣе, чѣмъ запоминаніе самихъ *предметовъ*, воспринимаемыхъ зрѣніемъ. (См. двѣ верхнихъ кривыхъ въ таблицѣ XXXII на стр. 48, а также числа, характеризующія память дѣвочекъ на стр. 36 и 37 подъ № 1 и 3). Впрочемъ тотъ же выводъ получается на основаніи таблицы X (№№ 1 и 4) и для мальчиковъ народныхъ школъ. Г. Нечаевъ самъ не высказываетъ этого чудовищнаго дидактическаго вывода, но одно изъ двухъ: или онъ, придавая педагогическое значеніе своимъ опытамъ, совсѣмъ не замѣчаетъ его, такъ что очевиднымъ образомъ составляетъ массы таблицъ и вычерчиваетъ кривыя, не обращая надлежащаго вниманія на то, что выражается ими, или же, замѣтивъ этотъ выводъ, г. Нечаевъ старается ускользнуть отъ него посредствомъ объясненія, которое ввергаетъ его изъ огня въ полымя. Дѣло въ томъ, что г. Нечаевъ объ отмѣченномъ въ его таблицахъ преобладаніи у мальчиковъ народныхъ школъ памяти на слова надъ памятью на предметы, воспринимаемые зрѣніемъ, совсѣмъ не говоритъ ни слова, а относительно этого факта у дѣвочекъ говоритъ только

Digitized by Google

одинъ разъ и именно въ слѣдующей фразѣ на стр. 47: „насколько трудно, говорится тамъ, для учащихся младшаго возраста ассоціировать съ извѣстнымъ зрительнымъ впечатлѣніемъ опредѣленное названіе, видно изъ того, что ученицы 9—11 лѣтъ гораздо легче воспроизводятъ данныя имъ *слова*, обозначающія зрительные образы, чѣмъ имена данныхъ *предметовъ*". Этотъ курсивъ, принадлежащій самому г. Нечаеву, и контекстъ, въ которомъ попадается эта фраза, могутъ, пожалуй, внушить мысль, что здѣсь г. Нечаевъ устраняетъ указанный мною дидактическій выводъ (о безполезности нагляднаго обученія въ нѣкоторыхъ случаяхъ) посредствомъ такого разсужденія: только кажется, будто бы дѣвочки 9—11 лѣтъ запоминаютъ видѣнные ими предметы хуже, чѣмъ услышанныя ими слова; въ дѣйствительности же онѣ съ такимъ трудомъ ассоціируютъ съ видимыми предметами ихъ названія, т.-е. съ такимъ трудомъ припоминаютъ ихъ имена, что не успѣваютъ сдѣлать это въ короткій срокъ; поэтому, когда онѣ записываютъ услышанныя ими слова и имена показанныхъ имъ предметовъ, то и кажется, будто бы онѣ предметы запоминаютъ хуже, чѣмъ слова. Но г. Нечаевъ показывалъ дѣтямъ самые заурядные предметы: стаканъ, бутылку, перо, книгу, газету и т. п. Каждый оставался на виду 2 секунды, а появлялись они другъ за другомъ черезъ 5 секундъ (см. стр. 30). Для припоминанія же названія подобныхъ предметовъ не нужно даже и полной секунды.

Изъ всего этого ясно одно: замѣтилъ ли г. Нечаевъ дидактическій выводъ, къ которому обязываютъ его опыты, или не замѣтилъ, старается ли онъ, не высказывая его явнымъ образомъ, объяснить его, какъ кажущійся, или же у него нѣтъ такого желанія, и въ томъ и въ другомъ случаѣ получится одинаковый результатъ — составляя свои таблицы и чертежи, г. Нечаевъ не пользуется ихъ указаніями для усовершенствованія своей работы въ такомъ направленіи, чтобы ея выводамъ придать надлежащую прочность, т. е. онъ сосредоточиваетъ свое вниманіе не столько на содержаніи таблицъ и чертежей, сколько на самомъ *процессѣ ихъ составленія*. Это—черта, или свойственная ученическому возрасту, а не ученому, или же свидѣтельствующая, что авторъ работы недостаточно обдумалъ ее. И нельзя объяснить появленія этой черты намѣреніемъ дать читателямъ руководство по экспериментальной техникѣ: на стр. X предисловія онъ самъ проситъ не приписывать ему этого намѣренія. Взамѣнъ того на стр. XI онъ обѣщаетъ до извѣстной степени руководить въ *постановкѣ* основныхъ задачъ

Digitized by Google

школьной экспериментаціи. Но, къ сожалѣнію, онъ во всей своей книгѣ нигдѣ не доказалъ, чтобы самъ-то онъ умѣлъ придавать опытамъ правильную постановку.

Но какъ же объяснить чудовищный дидактическій выводъ, вытекающій изъ опытовъ г. Нечаева? Очень просто. Для дѣвочекъ *вообще* онъ не долженъ получаться; и г. Нечаевъ напрасно вычертилъ подобную кривую на таблицѣ XXXII. У гимназистокъ по его таблицамъ первоначальныхъ результатовъ *совсѣмъ нѣтъ* преобладанія памяти на слова, обозначающія зрительныя впечатлѣнія, передъ памятью на эти впечатлѣнія. Подобное преобладаніе по его первоначальнымъ таблицамъ замѣчается *только* и въ мужской и въ женской *народной* школѣ. Для дѣвочекъ же *вообще* до $11^1/_2$ лѣтъ оно только оттого вышло у г. Нечаева въ общихъ итогахъ, что представительницъ младшаго возраста онъ беретъ изъ одной лишь народной школы, а средняго изъ женской гимназіи. Для мальчиковъ же подобнаго результата не вышло отъ того, что уже съ самаго младшаго возраста на ряду съ народной школой у него взяты еще и реалисты и при томъ втрое больше, чѣмъ учениковъ младшаго возраста народной школы (послѣднихъ 47, а реалистовъ *того же* возраста 155, см. стр. 28), такъ что реалисты въ общемъ итогѣ замаскировали чудовищную особенность народныхъ школъ. Что же касается послѣднихъ, то, *вѣроятно*, въ нихъ опыты надъ памятью на предметы производились раньше другихъ; и дѣти, учащіяся въ народныхъ школахъ, не привыкшія вообще къ посѣщенію важныхъ господъ, да еще дѣлающихъ такія диковинныя вещи, какъ опыты г. Нечаева, нѣсколько растерялись и *сначала* были крайне невнимательны къ опытамъ.

Это объясненіе подтверждается слѣдующимъ обстоятельствомъ: чтобы людей подивить и себя показать, г. Нечаевъ отрывокъ изъ своей книги, посвященный опытамъ надъ памятью, послалъ въ журналъ Zeitschrift für Psychologie und Physiologie der Sinnesorgane. Тамъ, конечно, напечатали эту статью; ибо какой же научный журналъ захочетъ быть невѣжливымъ передъ Петербургскимъ университетомъ, къ составу котораго принадлежитъ г. Нечаевъ. Но нѣмцы, по обыкновенію, не стали тратить времени на детальный разборъ. Взамѣнъ того Лобзинъ (Marx Lobsien) повторилъ опыты г. Нечаева, но поставивъ ихъ вполнѣ правильно: кромѣ разныхъ мелкихъ перемѣнъ онъ ограничился *лишь* нѣсколькими мужскими и женскими *народными* школами въ Килѣ, такъ что испытанію подверглись только дѣти

Digitized by Google

однородныхъ школъ. Свои результаты онъ обнародовалъ въ послѣдней книжкѣ того же самаго журнала (Zeitschr. für. Psych. und Phys. d. Sinnesorg. Band 27 Heft 1 u. 2). И что же? Оказывается, что въ Килѣ, по крайней мѣрѣ, въ народныхъ школахъ, ни въ мужскихъ ни въ женскихъ, нѣтъ никакого преобладанія памяти на слова, обозначающія зрительныя впечатлѣнія, надъ памятью на эти впечатлѣнія: такое преобладаніе составляетъ лишь особенность тѣхъ двухъ народныхъ школъ, въ которыхъ производилъ свои опыты г. Нечаевъ! Отмѣчу кстати, что у Лобзина не вышло также, чтобы, память на реальныя впечатлѣнія у мальчиковъ была сильнѣе, чѣмъ у дѣвочекъ, хотя онъ производилъ свои опыты надъ дѣтьми (238 мальчиками и 224 дѣвочками) отъ 9 до $14^1/_2$ лѣтъ, т.-е. такихъ возрастовъ, когда, по словамъ и чертежамъ г. Нечаева, эта разница очень сильна (см. его кривыя на стр. 44 табл. XXVIII). У Лобзина получились результаты, какихъ и надо было заранѣе ожидать: при *всякихъ* испытаніяхъ дѣвочки записывали только что воспринятыя впечатлѣнія нѣсколько лучше, чѣмъ мальчики. Такъ и должно быть; ибо дѣвочки ко всему относятся нѣсколько аккуратнѣй и внимательнѣй мальчиковъ.

Наконецъ, приведу еще примѣръ столь же важнаго, съ педагогической точки зрѣнія, но на столько же явно-несообразнаго, вывода, неизбѣжно вытекающаго изъ опытовъ г. Нечаева. Именно: если комментировать опыты г. Нечаева такъ же, какъ это дѣлаетъ и онъ самъ, т.-е. если вмѣстѣ съ нимъ думать, будто бы онъ производилъ опыты дѣйствительно надъ памятью, а не надъ цѣлымъ комплексомъ факторовъ, въ числѣ которыхъ, *между прочимъ*, попадается и память, то *лицеисты оказываются какими-то слабоумными сравнительно съ другими дѣтьми того же возраста, какъ мальчиками, такъ и дѣвочками.* Это явно кидается въ глаза на таблицѣ, приведенной г. Нечаевымъ на стр. 36 — 38. Я даже не понимаю, какъ могъ не замѣтить г. Нечаевъ этого обстоятельства: память всякаго рода у лицеистовъ по этимъ таблицамъ обязательно выходитъ хуже, чѣмъ у реалистовъ и гимназистокъ, поставленныхъ въ таблицахъ *рядомъ* съ лицеистами. Сравненіе ея съ реалистами я уже приводилъ въ началѣ этого отдѣла. Теперь же прибавлю, что если мы сложимъ всѣ числа, которыми г. Нечаевъ характеризуетъ память разныхъ родовъ у лицеистовъ, реалистовъ и гимназистокъ одинаковыхъ возрастовъ (см. стр. 36—38), то получимъ слѣдующія суммы: для лицеистовъ 381,6; для реалистовъ принца Ольденбургскаго 426,4; для гимназистокъ—441,4, т.-е.

Digitized by Google

разница между памятью лицеистовъ и памятью реалистовъ (*44,8*) *даже втрое больше, чѣмъ разница между реалистами и гимназистками* (15). Столь слабоумными выходятъ лицеисты, если вмѣстѣ съ г. Нечаевымъ думать, будто бы онъ изучалъ у нихъ память, а не комплексъ разнообразныхъ факторовъ, на основаніи котораго никоимъ образомъ нельзя судить, какая память у мальчиковъ лучше или хуже, чѣмъ у дѣвочекъ и какъ она измѣняется съ увеличеніемъ возраста.

Чѣмъ же объяснить такой диковинный результатъ у г. Нечаева? Неужели дурной постановкой *образованія* въ лицеѣ? Я не поклонникъ послѣдняго; но надо умѣть во всемъ разбираться. При описаніи опытовъ у г. Нечаева, повидимому, есть объясненіе; но только — повидимому. Именно: на стр. 29 у него говорится: „въ старшихъ классахъ лицея (14 — 18 л.) временемъ опытовъ были *вечернія* занятія“ (курсивъ мой). Примемъ это за объясненіе; пусть старшіе лицеисты, начиная съ 14 лѣтняго возраста, были утомлены во время опытовъ. Но въ младшихъ-то классахъ опыты производились, по словамъ г. Нечаева, въ такое же время, какъ и въ другихъ школахъ (см. ibid.). А при нихъ получился такой же диковинный результатъ. Болѣе того: по таблицамъ г. Нечаева онъ выходитъ даже для двухъ самыхъ младшихъ возрастовъ, т.-е. для такихъ лицеистовъ, которые только что поступили въ лицей и еще не могли подвергнуться вліянію со стороны постановки *образованія* въ лицеѣ: *они выходятъ у г. Нечаева даже слабоумнѣе учениковъ народной школы.* Въ самомъ дѣлѣ, если сложить числа, характеризующія у г. Нечаева память всѣхъ родовъ (кромѣ памяти на предметы) для лицеистовъ, реалистовъ и учениковъ народной школы 11 и 12 лѣтъ, то получаются такія суммы: для лицеистовъ—60,9; для реалистовъ — 76,7, т.-е. на 25% болѣе, чѣмъ у лицеистовъ; для учениковъ народной школы — 75,8, т.-е. почти точь въ точь, какъ у реалистовъ. Память на предметы я оттого исключаю изъ этого сравненія, что, какъ сейчасъ было показано, она для народныхъ школъ охарактеризована у г. Нечаева явно ошибочно. А ограничиваюсь я потому 11 и 12 лѣтнимъ возрастомъ, что въ таблицахъ г. Нечаева нѣтъ лицеистовъ моложе 11 лѣтъ и нѣтъ учениковъ народной школы старше 12 лѣтъ. Чѣмъ же объяснить, что лицеисты кажутся въ опытахъ г. Нечаева гораздо слабоумнѣе всѣхъ другихъ дѣтей? Можетъ быть, тѣмъ, что туда принимаются только дѣти потомственныхъ дворянъ, а они уже съ дѣтства отличаются слабоуміемъ? Нѣтъ, я скоро укажу еще другое объясненіе, которое выйдетъ гораздо вѣроятнѣе: вѣдь никто еще не

Digitized by Google

наблюдалъ ни того, чтобы русскіе потомственные дворяне отличались *прирожденнымъ* слабоуміемъ, ни того, чтобы они получали такое дурное домашнее воспитаніе, вредныхъ результатовъ котораго не можетъ уже исправить школа.

Но если бы выводы г. Нечаева относительно памяти и не разрушались такъ легко, все-таки ни въ одной научной работѣ нельзя было бы ссылаться на его опыты, не повторивъ ихъ цѣликомъ заново. При описаніи психологическихъ экспериментовъ нужно самымъ точнымъ образомъ указывать всю обстановку, при которой они происходили, чтобы всякій читатель могъ разсудить, не скрываются ли въ этой обстановкѣ такія обстоятельства, которыя могли бы повліять на результатъ испытанія и какъ именно. Между тѣмъ г. Нечаевъ при описаніи своихъ опытовъ совершенно умалчиваетъ о многихъ важныхъ обстоятельствахъ какъ будто бы онъ не придаетъ имъ никакого значенія. Этимъ онъ обнаруживаетъ или грубость своего психологическаго анализа вообще, безъ различія наблюдательной и экспериментальной психологіи, или же чрезвычайную торопливость, съ какой онъ составлялъ свою книгу. Напримѣръ, онъ молчитъ, производились ли опыты въ разныхъ классахъ и школахъ въ одинаковые часы или же то на первыхъ урокахъ, на свѣжую память, то на послѣднихъ, на утомленную память? Сказано только, что опыты были въ началѣ каждаго урока и при томъ въ утренніе уроки кромѣ старшихъ классовъ лицея, гдѣ они производились во время вечернихъ занятій. (Стр. 29). Далѣе, не сказано, производились ли опыты въ одинаковые дни недѣли, или въ какіе попало—и тотчасъ послѣ воскреснаго отдыха и прямо передъ нимъ? Кто присутствовалъ при опытахъ кромѣ самого г. Нечаева? Помогалъ ли ему поддерживать дисциплину въ классѣ начальникъ школы, или другое лицо, или это дѣло, и въ какихъ именно школахъ, приходилось исполнять самому экспериментатору. А все это очень важно: не оттого ли напримѣръ, у лицеистовъ получились диковинные результаты, что они вели себя во время опытовъ гораздо хуже, чѣмъ ученики другихъ школъ? Такое объясненіе гораздо вѣроятнѣе, чѣмъ предположеніе наслѣдственнаго слабоумія у лицеистовъ и т. п.

Въ заключеніе этого отдѣла отмѣчу еще разъ, что изъ книги г. Нечаева совсѣмъ не видно, умѣетъ ли онъ понимать значеніе цифръ, доставленныхъ его же *собственными* опытами. Съ чужими опытами онъ, очевидно, плохо управляется, какъ я это показалъ уже въ III отдѣлѣ на нѣсколькихъ примѣрахъ. А изъ своихъ

Digitized by Google

опытовъ въ лицеѣ, которые, конечно, самъ онъ считаетъ правильными, не сомнѣваясь въ полученныхъ имъ цифрахъ, онъ могъ бы извлечь два крайне важныхъ вывода: одинъ чисто научнаго характера — методологическій, а другой практическій, при помощи котораго онъ могъ бы кстати показать, что даже и теперь экспериментально-психологическіе пріемы въ состояніи оказывать кое-какія важныя услуги, если и не для дидактики, то для родителей и для учебнаго начальства разныхъ школъ.

Именно изъ своихъ опытовъ онъ *могъ бы* вывесть прежде всего такое заключеніе: *одно изъ двухъ—или русскіе потомственные дворяне отличаются еще до поступленія въ школы, до 11-ти лѣтняго возраста, такимъ слабоуміемъ сравнительно съ другими дѣтьми, что лицейское воспитаніе не въ состояніи исправить ихъ; или же взамѣнъ того въ 1899 г.* (*когда г. Нечаевъ производилъ свои опыты*) *классная дисциплина лицея была такова, что память лицеистовъ должна была показаться при опытахъ надъ ними гораздо слабѣе, чѣмъ у реалистовъ, гимназистокъ и даже въ народныхъ школахъ.* Во-вторыхъ, исходя изъ этого, онъ *могъ бы* получить еще такой *методологическій* выводъ: *для научныхъ изслѣдованій нельзя производить психологическіе опыты въ лицеѣ, если и теперь классная дисциплина въ немъ такая же, какой была въ 1899 г.: по одной изъ только что указанныхъ причинъ лицеисты непремѣнно будутъ казаться слабоумнѣе, чѣмъ другія дѣти.*

Вотъ *такіе* выводы г. Нечаевъ, довѣряя своимъ цифрамъ, *могъ бы* сдѣлать изъ своихъ опытовъ, *если бы* онъ внимательно вникалъ въ вопросъ, надъ чѣмъ именно онъ экспериментируетъ, а не торопился примѣнять подобные опыты къ разработкѣ дидактики, къ чему они пока еще не пригодны.

VI.

Явныя несообразности въ опытахъ г. Нечаева надъ внушеніемъ.

Настолько же мало научнаго значенія имѣютъ опыты г. Нечаева надъ внушеніемъ. Ихъ сущность такова: взявъ изъ 687 учениковъ и ученицъ, уже испытанныхъ имъ со стороны памяти, сотню, г. Нечаевъ давалъ имъ нюхать 7 пузырьковъ, сказавъ сперва, будто бы тамъ прежде находились разныя знакомыя имъ пахучія вещества

Digitized by Google

(объявивъ, какія именно), и будто бы запахъ какого-нибудь изъ этихъ веществъ еще сохраняется въ каждомъ пузырькѣ. Въ дѣйствительности же всѣ пузырьки, кромѣ одного, были вполнѣ свободны отъ всякаго запаха. Ученики должны были угадывать, какое именно пахучее вещество находилось въ томъ или въ другомъ пузырькѣ, дабы можно было судить по числу подобныхъ мнимыхъ угадываній о степени ихъ податливости внушеніямъ.

Цѣль этихъ опытовъ установить нѣкоторыя количественныя, а не чисто качественныя, обобщенія, какъ это ясно видно изъ примѣненія результатовъ этихъ опытовъ на стр. 123 и 150. Но употребленный г. Нечаевымъ методъ пригоденъ, и то не всегда, только для констатированія существованія внушенія ощущеній запаха, а отнюдь не для количественныхъ обобщеній, не для измѣренія степени внушаемости, Его непригодность для этой цѣли зависитъ отъ того, что какъ ни производить эти опыты, для каждаго испытуемаго неизбѣжнымъ образомъ создаются новыя условія опыта, которыя уже не повторяются для другихъ испытуемыхъ. Дѣйствительно:

1) Если опыты производятся передъ цѣлымъ классомъ, то каждый испытуемый видитъ все, что происходитъ съ тѣми, кто подвергается испытанію раньше его, такъ что кромѣ внушенія экспериментатора каждый испытуемый, пока дойдетъ до него очередь, заранѣе подвергается еще разнообразнымъ внушающимъ вліяніямъ, характеръ которыхъ зависитъ отъ исхода предшествующихъ опытовъ. Кромѣ того, въ ожиданіи очереди каждый испытуемый успѣваетъ обмѣняться впечатлѣніями съ своими сосѣдями по партѣ, что тоже измѣняетъ различнымъ образомъ условія, при которыхъ онъ самъ подвергается испытанію.

2) Если же г. Нечаевъ призывалъ учениковъ порознь (или даже маленькими группами) въ особую комнату, то ученики, подвергавшіеся испытанію раньше другихъ, выходя изъ нея, успѣвали разсказывать съ различными прикрасами все, что тамъ дѣлается, ученикамъ, ожидающимъ своей очереди, и этимъ путемъ измѣняли условія, при которыхъ подвергались испытанію другіе ученики. Кромѣ того, физически невозможно, чтобы г. Нечаевъ велъ себя совершенно одинаково со всей сотней испытуемыхъ, если онъ подвергалъ ихъ испытанію порознь; разница въ его обращеніи съ ними тѣмъ неизбѣжнѣе, что всѣ они принадлежатъ къ четыремъ школамъ (см. стр. 118), такъ что опыты могли производиться не иначе, какъ въ разные дни, при разномъ настроеніи духа г. Нечаева. А отъ его обращенія съ испытуемыми зависитъ и степень дѣйствія его внушеній на испытуемыхъ.

Digitized by Google

Словомъ, изъ всѣхъ существующихъ методовъ г. Нечаевъ избралъ совершенно негодный для сравнительнаго измѣренія степеней внушаемости.

Что же касается описанія его опытовъ надъ внушеніемъ, то оно страдаетъ еще большими недостатками, чѣмъ его описаніе опытовъ надъ памятью. Не сказано, какъ производились опыты—передъ цѣлымъ ли классомъ, или порознь. Не сказано, чѣмъ руководствовался г. Нечаевъ въ своемъ выборѣ, когда для опытовъ съ внушеніемъ отбиралъ 100 человѣкъ изъ 687 учениковъ и ученицъ, испытанныхъ имъ со стороны памяти. Нѣтъ указанія, какъ распредѣлялась вся сотня испытуемыхъ по возрастамъ и школамъ, и каковы были непосредственные результаты испытаній. А все это тѣмъ необходимѣе, что въ приведенной имъ таблицѣ, перечисляющей тѣхъ, кто оказался наиболѣе или наименѣе поддающимся внушенію, попадаются два очень странныхъ обстоятельства, которыя г. Нечаевъ обходитъ полнымъ молчаніемъ. Во-первыхъ, лица, указавшія мнимый запахъ въ четырехъ пузырькахъ изъ семи, причисляются *то къ наиболѣе поддающимся внушенію, то къ наименѣе поддающимся.* (См. стр. 122 сильно поддающихся гимназистокъ и стр. 123 слабо поддающихся лицеистовъ). Во-вторыхъ, у всѣхъ психологовъ постоянно выходитъ, что поддатливость внушеніямъ у старшихъ дѣтей въ среднемъ слабѣе, чѣмъ у младшихъ. Опыты же г. Нечаева для народныхъ школъ обнаруживаютъ, повидимому, обратное правило: если вычислить для этихъ школъ средній возрастъ наиболѣе поддающихся внушенію, то онъ выходитъ у г. Нечаева для мальчиковъ 10,4, для дѣвочекъ 10 лѣтъ; а средній возрастъ наименѣе поддающихся выходитъ у мальчиковъ 9,5, а у дѣвочекъ—9,4. (См. стр. 122). Можетъ быть, это и случайность, обусловленная небольшимъ числомъ лицъ, находящихся въ этихъ четырехъ группахъ. Но оба отмѣченныхъ мною недоумѣнія разъяснились бы только въ томъ случаѣ, если бы г. Нечаевъ указалъ распредѣленіе самыхъ первоначальныхъ результатовъ его опытовъ по возрастамъ испытуемыхъ. Теперь же мы можемъ объяснить оба недоумѣнія только тѣмъ, что передъ нами торопливо составленный черновой набросокъ работы: никакимъ слабымъ знаніемъ предмета нельзя объяснить, что *одно и то же* число *безъ всякихъ поясненій* разсматривается то какъ показатель наибольшей внушаемости, то какъ показатель наименьшей внушаемости.

По всему этому и выводы, полученные г. Нечаевымъ на основаніи его опытовъ съ внушеніемъ, не могутъ считаться надежными, тѣмъ

Digitized by Google

болѣе, что ихъ научное значеніе сильно понижается еще однимъ обстоятельствомъ. Именно—хотя и въ подстрочномъ замѣчаніи, у г. Нечаева все-таки поставленъ вопросъ: внушая ощущеніе запаха, могъ ли онъ довѣрять испытуемымъ, что они не обманываютъ его въ своихъ показаніяхъ? Но съ этимъ сомнѣніемъ г. Нечаевъ сводитъ счеты самымъ поверхностнымъ образомъ. Единственной причиной, которая могла бы побудить учениковъ къ обману, самъ онъ считаетъ ложный стыдъ, вызванный тѣмъ, что при своихъ опытахъ онъ дѣлалъ видъ, будто бы хочетъ узнать тонкость обонянія испытуемыхъ. На мой взглядъ возможны и другія причины обмана, но я не стану настаивать на этомъ. Гораздо важнѣе—какъ же при своихъ обобщеніяхъ г. Нечаевъ отличаетъ тѣхъ, кто подъ вліяніемъ внушенія дѣйствительно испытывалъ ощущеніе запаха безъ всякихъ внѣшнихъ причинъ, отъ тѣхъ, кто подъ вліяніемъ ложнаго стыда обманывалъ его? Но г. Нечаевъ прямо заявляетъ, что находитъ это различіе неимѣющимъ ровно никакого значенія: по его мнѣнію, обманъ подъ вліяніемъ ложнаго стыда тоже служитъ показателемъ внушаемости; ибо, думаетъ онъ, испытуемый въ этихъ случаяхъ довѣряетъ внушенному *представленію* существованія запаха больше, чѣмъ собственному носу. (См. стр. 121). Конечно, слову внушаемость можно по произволу придавать какой угодно смыслъ; но слишкомъ очевидно, что дѣйствительное переживаніе *ощущенія* запаха подъ вліяніемъ однихъ лишь внушеній экспериментатора, и обманъ, вызванный, съ одной стороны, довѣріемъ къ внушенному *представленію*, а съ другой—ложнымъ стыдомъ, два вполнѣ разнородныхъ явленія, которыя нельзя смѣшивать между собой на томъ только основаніи, что мы произвольно станемъ *называть* ихъ однимъ и тѣмъ же именемъ внушенія. И всякій психологъ, очевидно, обязанъ помнить о разнородности этихъ явленій.

VII.

Явныя несообразности въ методѣ г. Нечаева для опредѣленія нормальнаго количества умственной работы.

Что касается четырехмѣсячныхъ самонаблюденій г. Нечаева надъ ежедневнымъ количествомъ умственной работы въ связи съ количествомъ сна и движеній, то на основаніи его собственныхъ словъ надо разсматривать ихъ *только*, какъ образецъ метода, рекомендуемаго имъ для выясненія нормальнаго количества ежедневной

Digitized by Google

умственной работы, которая происходила бы при наиболѣе благопріятномъ количествѣ ежедневнаго сна и движенія. Иначе никакъ нельзя объяснить, зачѣмъ г. Нечаевъ посвятилъ 20 стр., т.-е. почти десятую часть своей книги, этимъ самонаблюденіямъ. Въ своихъ дальнѣйшихъ разсужденіяхъ онъ не опирается на нихъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не дѣлаетъ изъ нихъ никакихъ общихъ выводовъ и даже самъ признаетъ невозможность разграничить въ нихъ индивидуальныя и общія стороны (стр. 80). Далѣе, мотивируетъ онъ сообщеніе этихъ самонаблюденій въ своей книгѣ тѣмъ, что нѣтъ ни точныхъ наблюденій для рѣшенія вопроса о среднемъ количествѣ умственной работы, которую при разныхъ условіяхъ обыкновенно исполняетъ или можетъ исполнить *ученикъ*, ни даже работъ, которыя можно было бы разсматривать, *какъ пробу методовъ, пригодныхъ для подобнаго рода наблюденій* (стр. 66). Наконецъ, онъ прибавляетъ, что въ его самонаблюденіяхъ можно было бы со всей точностью провесть пограничную линію между общимъ и индивидуальнымъ, если бы имѣть подъ руками цѣлый рядъ работъ, произведенныхъ *по такому же методу*, какъ употребляемый имъ (стр. 80). Все это вмѣстѣ взятое даетъ право думать, что г. Нечаевъ излагаетъ свои самонаблюденія и ихъ обработку въ видѣ различныхъ таблицъ, какъ образецъ рекомендуемаго имъ метода.

Разсматривая дѣло съ этой точки зрѣнія, надо признать, что методъ, рекомендуемый г. Нечаевымъ, совершенно произвольный и объясненъ имъ въ высшей степени туманно, такъ что его нельзя примѣнять къ дѣлу плодотворнымъ образомъ.

Я уже не стану распространяться о томъ, что этотъ методъ требуетъ *точнаго самонаблюденія*, не только надъ продолжительностью трудной и легкой умственной работы, но даже и надъ колебаніями вниманія и надъ степенью своего интереса къ работѣ (ср. стр. 67, 68 и 83); а ученики совершенно неспособны къ подобному самонаблюденію между тѣмъ этотъ методъ рекомендуется г. Нечаевымъ для рѣшенія вопроса о нормальномъ количествѣ умственной работы *учениковъ*. Этотъ методъ непримѣнимъ даже при опредѣленіи нормальнаго количества работы взрослаго человѣка. Такъ, г. Нечаевъ совершенно произвольно, безъ всякихъ доказательствъ, считаетъ границей *нормальнаго* количества умственной работы наступленіе „пресыщенія“ трудомъ (стр. 67 и 100). При этомъ подобное „пресыщеніе“ описано у него крайне сбивчиво: въ одномъ мѣстѣ оно характеризуется, какъ всего только потеря интереса къ работѣ, и сообразно съ этимъ подъ

Digitized by Google

нормальнымъ количествомъ работы подразумѣвается такое, „которое при наиболѣе благопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ можетъ быть исполнено съ *интересомъ*“ (стр. 83, курсивъ г. Нечаева). а въ другомъ—какъ вялость *мысли*, неодолимая *лѣнь*, полное паденіе интереса къ дѣлу, при чемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ наступаетъ *сонливость, тяжесть въ головѣ и даже подергиваніе личныхъ мускуловъ* (стр. 67. Курсивъ мой). Что же въ такомъ случаѣ считать границей *нормальной* работы—крайнія, даже болѣзненныя, степени утомленія или только потерю интереса? Далѣе г. Нечаевъ дѣлитъ свою умственную работу на легкую и трудную, относя къ послѣдней научныя занятія (психологіей и педагогикой), какъ требующія, по его мнѣнію, большого напряженія вниманія, а къ первой—чтеніе беллетристическихъ произведеній, газетъ, писаніе писемъ и т. п. (стр. 68). Но нѣкоторыя психологическія и педагогическія сочиненія читаются съ такой же легкостью, какъ романы. Особенно справедливо это должно быть для г. Нечаева; ибо онъ находитъ, что педагогическія сочиненія, по большей части, страдаютъ пустословіемъ. (См. стр. 7). Писаніе же писемъ часто требуетъ такого же напряженія вниманія, какъ и научныя занятія. Наконецъ, г. Нечаевъ говоритъ, что, опредѣляя своими самонаблюденіями свое нормальное количество работы, онъ подвергалъ вычисленію продолжительность *отклоненій* вниманія; а они иногда, по его словамъ, были настолько велики, что дѣйствительная умственная работа занимаетъ лишь половину того времени, которое, повидимому, было на нее потрачено (стр. 82 и 83). Но какъ онъ выслѣживалъ и производилъ учетъ отклоненій вниманія, и что онъ подразумѣваетъ подъ этимъ выраженіемъ, г. Нечаевъ нигдѣ не объясняетъ. Такимъ образомъ изо всѣхъ его словъ никоимъ образомъ нельзя извлечь руководство къ правильному методу, пригодному для опредѣленія нормальнаго количества умственной работы, а можно только усомниться, выяснилъ ли онъ самъ себѣ то, о чемъ говоритъ на протяженіи 22 страницъ, посвященныхъ имъ изложенію его самонаблюденій и основанныхъ на нихъ таблицъ и чертежей.

И къ удивительнымъ выводамъ привелъ методъ г. Нечаева относительно его собственной умственной работоспособности. Вотъ что онъ говоритъ на стр. 68: „среднее количество *всей* умственной работы въ обыкновенный недѣльный день составляетъ для меня около *шести съ половиной* часовъ, при чемъ на трудную умственную работу приходится *четыре часа съ четвертью*“. Это что-то маловато: неужели г. Нечаевъ можетъ съ интересомъ заниматься *своими спеціаль-*

Digitized by Google

UNIV. OF CALIFORNIA

ными предметами (психологіей и педагогикой) всего только $4^1/_4$ часа въ день, а сверхъ этого съ интересомъ читать романы и газеты только $1^1/_4$ часъ? Ужь не собиралъ ли г. Нечаевъ свои цифры въ то самое время, когда *торопливымъ* образомъ составлялъ разбираемую мной книгу? Во всякомъ случаѣ нельзя относиться съ довѣріемъ къ этимъ цифрамъ: слишкомъ ужь онѣ малы, особенно для молодого ученаго, составляющаго свою *первую* книгу.

Заключеніе.

Подводя итогъ всему сказанному по поводу самостоятельныхъ изслѣдованій г. Нечаева, приходится вывесть такое заключеніе: основываясь на этихъ изслѣдованіяхъ, нельзя никому доказать, что г. Нечаевъ удовлетворительно знаетъ экспериментальную психологію. Я не ограничиваю своего заключенія одной лишь технической стороной этой дисциплины; ибо опыты и самонаблюденія г. Нечаева, какъ я уже говорилъ, очень просты. Чтобы правильно вести и правильно комментировать ихъ, достаточно вдумчиво вчитаться въ психологическую литературу и общую и экспериментальную. Вотъ этого-то вдумчиваго отношенія къ дѣлу и незамѣтно въ самостоятельныхъ изслѣдованіяхъ г. Нечаева. Конечно, онъ не мало читалъ; но ни своими опытами, ни самонаблюденіями, ни даже компилированіемъ чужихъ изслѣдованій (о чемъ много говорилось во II и III отдѣлѣ этого разбора) нигдѣ не доказалъ, чтобы онъ достаточно размышлялъ надъ прочитаннымъ. А такъ какъ г. Нечаевъ обладаетъ хорошими свѣдѣніями и достаточной подготовкой къ научнымъ работамъ, то очевидно, что вся его экспериментальная дидактика представляетъ собой однѣ лишь черновыя тетради. Поэтому, вѣроятнѣй всего, что подвергнувъ ихъ дальнѣйшей обработкѣ, онъ придетъ къ инымъ взглядамъ и убѣдится, что предпринятое имъ примѣненіе экспериментальной психологіи, взятой въ ея современномъ видѣ, къ разработкѣ дидактики, составляетъ дѣло преждевременное.

Digitized by Google

UNIV. OF
CALIFORNIA

Digitized by Google

ЖУРНАЛЪ

„Вопросы Философіи и Психологіи"

ИЗДАНІЕ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ПРИ СОДѢЙСТВІИ

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ФИЛОСОФСКАГО ОБЩЕСТВА.

Условія подписки: на годъ (5 книгъ въ годъ, каждая около 15 печатныхъ листовъ) безъ доставки—**6** руб., съ доставкой въ Москвѣ—**6** р. **50** к. съ пересылкой въ другіе города—**7** руб., за границу—**8** руб.

Учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, сельскіе учителя и сельскіе священники пользуются скидкою въ **2** руб. Подписка на льготныхъ условіяхъ принимается **только** въ конторѣ журнала, непосредственно или письменно.

Подписка, кромѣ книжныхъ магазиновъ: **Русской Мысли** (Москва, Б. Никитская, д. Вельтищевой), книжныхъ магазиновъ: **„Новаго Времени"** (СПБ., Москва, Одесса и Харьковъ), **Карбасникова** (СПБ., Москва, Варшава), **Вольфа** (СПБ. и Москва), **Оглоблина** (Кіевъ), **Башмакова** (Казань), и **другихъ**, принимается

ВЪ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА:

Москва, М. Никитская, Георгіевскій пер., д. Соловьевой.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Труды Спб. Философскаго Общества. Выпускъ II. — *Малебраншъ* Исканіе истины. Перев. подъ редакціей *Э. Л. Радлова.*

Виндельбандъ. Исторія новой философіи въ связи съ общей культурой и отдѣльными науками. Перев. подъ редакціей *А. И. Введенскаго.*

Бине, Анри, Куртье, Филиппъ. Введеніе въ экспериментальную психологію. Перев. подъ редакціей *А. И. Введенскаго.* Изданіе 2-е.

И. И. Лапшинъ, Законы мышленія и формы познанія.

Digitized by Google

ВО ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

ПРОДАЮТСЯ:

Труды С.-Петербургскаго Философскаго Общества:

Выпускъ I. **Декартъ. Метафизическія размышленія.** Перев. *В. М. Невѣжиной.* Подъ редакціей и со статьей Проф. **А. И. Введенскаго. Декартъ и раціонализмъ.** Спб. 1901 Цѣна 1 рубль.

„Труды Московскаго Психологическаго Общества“:

Выпускъ II. **Иммануилъ Кантъ.** Пролегомены ко всякой будущей метафизикѣ. Перев. *Влад. Соловьева.* Изд. второе. Цѣна 1 руб. 20 коп., съ перес. 1 руб. 40 к.

Выпускъ III. О свободѣ воли. Рефераты и статьи членовъ Психологическаго Общества. Цѣна 2 руб., съ перес. 2 р. 25 к.

Выпускъ IV. **Г. В. Лейбницъ.** Избранныя философскія сочиненія съ портр. *Лейбница.* Переводъ подъ ред. *В. П. Преображенскаго.* Ц. 2 руб. (на лучш. бумагѣ), 1 р. 50 к. (на простой), за перес. 25 к.

Выпускъ VI. **Э. Кердъ.** Гегель. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей и съ предисловіемъ кн. *Н. С. Трубецкаго.* Съ приложеніемъ статьи о Гегелѣ. *Вл. С. Соловьева.* Цѣна 1 р. 50 к.

Проф. **А. И. Введенскій.** Опытъ построенія теоріи матеріи на принципахъ критической философіи. (Элементарный очеркъ критической философіи, историческій обзоръ важнѣйшихъ ученій о матеріи, ученіе о силахъ). Спб. 1888 г. Цѣна 2 р.

Проф. **А. И. Введенскій.** О предѣлахъ и признакахъ одушевленія. Спб. 1892 г. Цѣна 50 к.

Виндельбандъ. Исторія древней философіи съ приложеніемъ исторіи философіи среднихъ вѣковъ и эпохи возрожденія. Перев. подъ редакціей проф. *А. И. Введенскаго.* 2-е изд. Спб. 1898 г. Цѣна 2 р.

Виндельбандъ. Философія Канта. Пер. подъ редакціей проф. *А. И. Введенскаго.* Спб. 1895 г. Цѣна 1 р.

Джемсъ. Психологія. Переводъ Прив.-Доц. *И. И. Лапшина.* Спб. 1901 г. Цѣна 1 р. 80 коп.

ТОЛЬКО ЧТО ВЫШЛИ:

Проф. **А. И. Введенскій.** Философскіе очерки. Вып. I. О философіи въ Россіи, о мистицизмѣ и критицизмѣ *В. В. Соловьева,* о свободѣ воли, о смыслѣ жизни, объ отношеніяхъ вѣры къ знанію. Спб. 1901 г. Цѣна 1 р.

Таннери. Первые шаги древне-греческой науки. Переводъ *Н. Н. Полыновой, С. И. Церетелли,* проф—овъ *Э. Л. Радлова* и *І. Ф. Церетелли* съ предисловіемъ проф. *А. И. Введенскаго.* Спб. 1901 г. Цѣна 2 р.

Дозв. ценз. Спб. 26 ноября 1901 г. Типографія „В. С. Балашевъ и Ко“.

Digitized by Google

LB1051
N5V9
226044
Vvedenskii

Digitized by Google

Digitized by Google